

Электронное научное периодическое издание
Издается с 2016 года

16+

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова»

1 (09) 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИКА СВФУ»

Главный редактор:

Е. И. Михайлова, академик РАО, д. п. н.

Члены редакционной коллегии:

А. А. Бурькин, д. филол. н., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Г. Гольдфарб*, проф., Национальный институт неврологических заболеваний (NIH/NINDS) Национальных институтов здоровья США, г. Вашингтон; *С. А. Карабасов*, проф., Лондонский университет имени Королевы Мэри, Великобритания; *Санг-Ву Ким*, Ph.D., Пусанский национальный университет, Южная Корея; *В. В. Красных*, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; *А. А. Петров*, д. филол. н., зам. директора Института народов Севера, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., БГУ, Улан-Удэ, Россия; *Л. Сальмон*, проф., Генуэзский университет, Италия; *Дж. Судзуки*, проф., Университет Саппоро, Япония; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Д. К. Фишер*, проф., Мичиганский университет, США; *Ву Сок Хванг*, проф., Фонд биотехнологических исследований Sooaat, Южная Корея; *Дж.-Хо Чо*, проф. Университет Мёнджи, Южная Корея; *В. И. Васильев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Гермогенов*, д. б. н.; *Ю. М. Григорьев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Ефремов*, д. филол. н.; *А. П. Исаев*, д. б. н.; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., проф., академик РАН; *И. И. Мордосов*, д. б. н., проф.; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., проф.; *Н. Г. Соломонов*, д. б. н., член-корр. РАН, проф.; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО.
HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW»:

Заместитель главного редактора, редактор серии:

П. В. Гоголев, д. ю. н.

Выпускающий редактор: *А. А. Павлова*, к. ю. н.

Технический редактор: *Н. Ю. Печетова*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии серии:

Густав Вахтер, доктор права, проф., Инсбрукский университет имени Леопольда и Франца, Австрия; *Ю. Н. Ермолаева*, к. и. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Ю. Д. Петров*, д. полит. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Пирс Витебски*, доктор антропологии, Институт полярных исследований имени Скотта Кембриджского университета, Великобритания; *Н. Н. Радченко*, к. и. н., доцент, СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *И. А. Сосина*, д. полит. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. А. Стручкова*, к. и. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *И. С. Сивцев*, к. и. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. С. Тимофеев*, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *Флориан Штаммлер*, научный сотрудник, Лапландский научный центр, Финляндия.

Адрес учредителя и издателя:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.

Адрес редакции:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677027, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42, каб. 367.

Юридический факультет Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Сайт редакции: http://s-vfu.ru/universitet/nauka/Magazines/History_polit_jur/

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW» SERIES

Electronic scientific periodical
Published since 2016

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«M. K. Ammosov North-Eastern Federal University».

1 (09) 2018

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief *E. I. Mikhailova*, Academician of RAS, Doctor, Professor.

Members of the editorial board:

A. A. Burykin, Dr. Sci. Philology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation; *L. G. Goldfarb*, Prof., the National Institute of Neurological Diseases (NIH/NINDS) of the National Institutes of Health of the USA, Washington; *S. A. Karabasov*, Prof., Queen Mary University of London, Great Britain; *Sang-Woo Kim*, Dr. Sci. Philosophy, Pusan National University, Republic of Korea; *V. V. Krasnykh*, Prof., M. V. Lomonosov Moscow State University, Russian Federation; *A. A. Petrov*, Dr. Sci. Philology, Vice Director, Institute of the Peoples of the North, Saint Petersburg, Russian Federation; *L. D. Radnayeveva*, Dr. Sci. Philology, Buryat State University, Ulan Ude, Russian Federation; *L. Salmon*, Prof., University of Genoa, Italy; *J. Suzuki*, Prof., Sapporo University, Japan; *A. N. Tikhonov*, Cand. Sci. Biology, RAS Zoological Institute, Saint Petersburg, Russian Federation; *D. C. Fisher*, Prof., University of Michigan, USA; *Woo Suk Hwang*, Prof., SOOAM Biotech Research Foundation, South Korea; *J.-H. Cho*, Prof., Myongji University, South Korea; *V. I. Vasiliev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Germogenov*, Dr. Sci. Biology; *Yu. M. Grigoriev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Yefremov*, Dr. Sci. Philology; *A. P. Isayev*, Dr. Sci. Biology; *G. F. Krymskiy*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Acad. RAS, Prof.; *I. I. Mordosov*, Dr. Sci. Biology, Prof.; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. Philology, Prof.; *N. G. Solomonov*, Dr. Sci. Biology, Corr. Member RAS, Prof.; *G. G. Philippov*, Dr. Sci. Philology, Prof.

THE EDITORIAL BOARD SERIES

Deputy Editor-in-Chief, editor of the series:

P. V. Gogolev, Dr. of Law.

Production Editor:

A. A. Pavlova, Cand. of Law.

Technical Editor:

N. Yu. Pechetova, Cand. of Philology.

The members of the series' editorial board:

Gustav Wachter, Prof. of Law; *Yu. N. Ermolaeva*, Cand. of History, Prof.; *Yu. D. Petrov*, Dr. of Political Studies, Prof., Academician of the Russian Academy of Political Studies; *Pierce Vitebski*, Dr. of Anthropology, *N. N. Radchenko*, Cand. of History, Asst Prof.; *I. A. Sosina*, Dr. of Political Studies, Prof.; *N. A. Struchkova*, Cand. of History, Prof.; *I. S. Sivtsev*, Cand. of History, Prof.; *N. S. Timofeev*, Dr. of Law, Prof.; *Florian Stammer*, researcher.

Founder and publisher address:

the North-Eastern Federal University, 58 Belinskogo st., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial Office address: 367 off., 42 Kulakovskogo st., Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Faculty of Law of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

http://s-vfu.ru/universitet/nauka/Magazines/History_polit_jur/

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Ермолаева Ю.Н.</i> Проблемы социально-экономической и культурной модернизации Якутии в 1920-1930-е годы	5
<i>Желобцов Ф.Ф.</i> Значение якутского воеводства в установлении первых контактов с народами Восточной Азии	10

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Петров Ю.Д.</i> Арктика: новый геополитический код России через призму «Северо-Восток РФ»	15
--	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Будаев К.А., Урбаева А.П.</i> Сравнительно-правовое исследование конституционного (уставного) судопроизводства в субъектах РФ и землях Берлин и Шлезвиг-Гольштейн ФРГ	22
<i>Ким-Кимэн А.Н.</i> Региональная конституционная юстиция как фактор развития и совершенствования современного российского федерализма	32
<i>Седалищев А.Н.</i> Защита конституционных прав граждан в гражданском процессе	38
<i>Фролова Н.А.</i> Ценностные аспекты конституционализма как общеправового принципа	43
<i>Хуснутдинов Ф.Г.</i> Реализация конституционных гарантий сохранения и развития исторических, национальных и духовных традиций, культур и языков в деятельности Конституционного суда Республики Татарстан	46

Трибуна молодого ученого

<i>Жирков А.А.</i> Профессиональные интересы медицинских работников в системе правовых интересов	50
<i>Корякина З.И.</i> Обеспечение права на защиту несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого при участии его в следственных действиях	56
<i>Михайлова Л.Н.</i> Криминологические особенности личности преступника-коррупционера	64
<i>Сивцева Н.А.</i> К вопросу о понятии досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе Российской Федерации	68

CONTENT

HISTORICAL STUDIES AND ARCHAEOLOGY

<i>Ermolaeva Iu.</i> Social-Economic and Cultural Modernization in Yakutia in the 1920-1930s	5
<i>Zhelobtsov F.F.</i> The Importance of the Yakut Voivodship in Establishing the First Contacts with the Peoples of East Asia	10

POLITICAL SCIENCE

<i>Petrov Yu.D.</i> The Arctic: a New Geopolitical Code of Russia in the 21 Century	15
---	----

LAW

<i>Budaev K.A., Urbaeva A.P.</i> A Comparative Legal Study of the Constitutional (Statutory) Justice in the Subjects of the Russian Federation and the Länder Berlin, Schleswig-Holstein, Germany	22
<i>Kim-Kimen A.N.</i> Regional Constitutional Justice as a Factor in the Development and Improvement of Modern Russian Federalism	32
<i>Sedalishchev A.N.</i> Protection of Constitutional Rights of Citizens in Civil Process	38
<i>Frolova N.A.</i> Value Aspects of Constitutionalism as a General Legal Principle	43
<i>Khusnutdinov F.G.</i> Implementation of Constitutional Guarantees of Preservation and Development of Historical, National and Spiritual Traditions, Cultures and Languages in Activity of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan	46

YOUNG RESEARCHER'S TRIBUNE

<i>Zhirkov A.A.</i> Professional Interests of Medical Workers in the System of Legal Interests	50
<i>Koryakina Z.I.</i> Ensuring the Right of Defense for Minor Suspects, Defendants During their Involvement in Investigation Actions	56
<i>Mikhailova L.N.</i> Criminological Features of the Criminal's Personality – Corruption	64
<i>Sivtseva N.A.</i> To the Question of the Concept of the Permanent Agreement on Cooperation in the Criminal Process of the Russian Federation	68

– ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ –

УДК 94(571.56) «1922-1930»

Ю.Н. Ермолаева

Проблемы социально-экономической и культурной модернизации Якутии в 1920-1930-е годы

Аннотация. Рассматриваются вопросы советской модернизации в Якутии в 1920-1930-е годы. Статья посвящена исследованию политического, экономического и культурного развития Якутии, а также определению основных задач в связи с проблемой перехода от традиционного общества к индустриальному. Некоторые пути решения данной проблемы были даны во время учредительного съезда Советов, а также некоторые рекомендации были высказаны во время деятельности Якутской экспедиции АН СССР.

Ключевые слова: советская модернизация, экономика, культура, изучение, рекомендации.

Iu. Ermolaeva

Social-Economic and Cultural Modernization in Yakutia in the 1920-1930s

Abstract. This work examines the issues of Soviet modernization in Yakutia in 1920-1930s. The article attempts to investigate the political, economic and cultural conditions of Yakutia and to identify the main tasks related to the challenge of moving from the traditional society towards industrial one. Some of the solutions to this problem were given during the Constituent Congress of the Soviets; also several recommendations were made during activities of the Yakut Expedition of the Academy of Sciences of USSR.

Keywords: soviet modernization, economics, culture, research, recommendations.

Введение

Изучение проблем модернизации – перехода от традиционного общества к современному – стало одним из направлений в российской истории. Модернизационная парадигма стала использоваться по отношению к «догоняющему» развитию многих стран, в том числе и к России. Подобная парадигма может быть применена ко многим республикам, в том числе и к Якутии. В 1920-е годы была принята политика «коренизации». Данная идея основывалась на понятии исторического прогресса как неизбежная часть его развития, которую должны пройти «отсталые» народы на пути к социализму. Цель настоящей работы – показать один из вариантов решения данной проблемы в 1920-1930-е годы в Якутии.

ЕРМОЛАЕВА Юлия Никифоровна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии Исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: Ermolaeva_yuliya@mail.ru

ERMOLAEVA Iulia Nikiforovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head, Chair of World and Russian History, Ethnology and Archeology, Histori Faculty, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Задачи исследования

Одной из основных проблем, которая обсуждалась на Всеякутском учредительном съезде советов, был вопрос подъема экономики и культуры народов Якутии. На первом же заседании М.К. Аммосов поставил задачу культурного, политического и экономического развития. Идея изучения края возникла в период работы съезда Советов. По мнению М.К. Аммосова, точную картину о состоянии природных и людских ресурсов региона, определение перспективных направлений экономики, могли дать только ученые.

В одном из выступлений М.К. Аммосов упоминает: «Впереди возможности подняться до уровня культурных народов, впереди перспективы культурного, политического и экономического возрождения» [1]. Для решения этой огромной задачи, по его мнению, «нужны для этого экспедиции – это будет крупным шагом, т.к. ЯАССР остается, как видно из статистики, на довольно шатком положении, ибо она совершенно не обследована» [2].

После окончания съезда в марте 1924 г. М.К. Аммосов обратился к секретарю РАН С.Ф. Ольденбургу с просьбой помочь в изучении Якутии. РАН организовала Якутскую экспедицию, которая проработала в течение 1925-1930 гг.

Основные рекомендации

В 1936 г. вышла небольшая работа под названием «Якутская экспедиция Академии наук», где подведены итоги деятельности экспедиции [3].

Главным достижением Академии наук было то, «что Якутия оказалась не таким безнадежным краем холода и голода, каким ее рисовали до революции» [3, с. 3]. Можно согласиться с мнением В.Н. Иванова, который пишет: «Если определенная часть дореволюционных авторов муссировали идею об исторической обреченности народов Якутии, то экспедиция АН СССР научно доказала наличие способности у народов региона к историческому творчеству, приобщения к идее возрождения, к строительству новой достойной для человека жизни. В этом видится не только социально-политический смысл деятельности экспедиции АН СССР, но и огромное ее историческое значение» [4, с. 16].

Одной из основных исследовательских задач, поставленных перед сотрудниками экспедиции, было изучение населения Якутии. Нужно было выяснить вопрос «вымирает якутский народ или нет?» Сотрудники медико-санитарного отряда, выборочно изучив население Якутского и Олекминского округов, пришли к выводу о том, «что все болезни, наблюдаемые в Якутии, были следствием тяжелых социальных условий и плохой администрации прошлого времени» [3, с. 3].

По окончании экспедиционных работ почти каждым отрядом были даны рекомендации и свое видение дальнейших перспектив развития республики.

Для улучшения состояния здоровья населения предлагался целый комплекс мероприятий. В первую очередь необходимо было изменить санитарно-гигиенические условия. Плохие гигиенические условия и нерациональное питание являлись основными причинами распространения таких болезней, как туберкулез и трахома. В связи с этим КЯР был поставлен вопрос об ускорении принятия закона об отделении хотона от юрты (жилища). Участники экспедиции разработали и предложили проект нового жилища, который мог бы отвечать условиям сурового климата и санитарно-гигиеническим нормам. Закон об отделении хотона от юрты положил начало изменений к лучшему в быту якутского населения.

Нужно было создать сеть медицинских учреждений, которые могли бы оказать первую медицинскую помощь, особенно акушерскую, что могло бы уменьшить женскую смертность. Для борьбы с эпидемиями оспы, холеры, чумы предлагалось на территории Якутии готовить прививочный материал и начать систематическую работу по прививанию населения. Для уменьшения детской смертности предлагалось улучшить бытовые и гигиенические условия в жилищах; начать широкую просветительскую деятельность по рациональному питанию детей и взрослых; создать широкую педиатрическую сеть.

Внедрение и распространение нового типа жилища в дальнейшем привело к поселкованию, что изменило традиционное расселение якутов по аласам. Создание поселков дало осно-

вание для нового территориально-административного деления республики. Все это привело к изменению быта населения.

Этнографические отряды в своих рекомендациях также обращали внимание на ужасающее положение местных народов и предлагали создать не только медицинские учреждения, но организовать в крупных населенных пунктах школы. Для народов Севера это должны были быть школы-интернаты, где детям не только бы давали образование, но и знакомили с передовыми для того времени методами ведения хозяйства. Для взрослых рекомендовалось создавать пункты типа школ по ликвидации неграмотности. В этих пунктах должны были оказывать медицинскую, ветеринарную помощь. А также при них нужно было организовывать опытное показательное хозяйство, которое бы знакомило с новыми методами ведения сельского хозяйства.

В области животноводства были даны практические рекомендации по улучшению кормового рациона и режима условий содержания скота. Для совершенствования кормового рациона крупного рогатого скота потребовалось изучение состояния лугов. «По данным экспедиции состав трав по кормовому значению на якутских лугах оказался хорошим». Основной проблемой по луговодству были механизация уборки сена и очистка лугов от кустарниковой растительности.

В области земледелия отрядами экспедиции были составлены почвенные описания и почвенные карты в основных сельскохозяйственных районах. Исследователи пришли к выводу, что Якутия относится к числу засушливых районов страны, в связи с чем необходимо применять соответствующую технику земледелия и вводить в севооборот засухоустойчивые и скороспелые сорта. Также было рекомендовано всемерно развивать огородничество.

Развитие рыбной промышленности берет свое начало с работ Якутской экспедиции, которая установила «весьма значительные промысловые рыбные запасы» Якутии. Ихтиологами был поставлен вопрос об организации консервного завода в низовьях реки Лены. Основной задачей на первом этапе для молодой промышленности было улучшение состояния рыбного промысла: введение современных орудий лова, транспортных средств.

Также были даны рекомендации по развитию охотничье-пушного промысла. Одним из условий повышения эффективности промысла было внедрение новейшей техники и рациональной организации хозяйствования для уменьшения отходов промысла. В изучаемый период отходы промысла песка составляли 30%, основной причиной чего являлась примитивность ловушек. Для увеличения популяции пушных зверей предлагалось начать организацию заповедников. Доказательством своевременности этих рекомендаций является то, что Якутия до сих пор – основной поставщик пушнины.

Развитие еще одной отрасли непосредственно связано с результатами исследований КЯР. Речь идет о транспорте и в первую очередь о водном. Исследования гидрологов доказали судоходность основных рек Якутии, что послужило основой для создания различных пароходств, в том числе Ленского речного пароходства. Благодаря материалам экспедиции началось освоение Северного морского пути на участке, прилегающем к Якутии, и каботажного плавания по Восточно-Сибирскому морю и морю Лаптевых. На основе данных аэрологического и метеорологического отрядов началось освоение воздушного пространства. Участники экспедиции также ставили вопрос о возможности строительства автомобильных дорог и, как дальнюю перспективу, строительство железной дороги в Якутии. Все вышеназванные отряды положили начало системному картографированию территории Якутии.

Заключение

Результаты исследований экспедиции позволили разработать научно обоснованные рекомендации и предложения о путях развития производительных сил республики, реконструкции народного хозяйства. В частности, они были использованы при составлении первого пятилетнего плана и «Генерального плана реконструкции народного хозяйства Якутской АССР на ближайшие 10-15 лет». Таким образом, все предвоенное развитие экономики Якутии – это воплощение в жизнь идей сотрудников экспедиции. Правда, реализованы были не все идеи. Например, пропорциональность размещения производительных сил будет нарушена уже в

послевоенные годы. Так, предполагалось, что горнодобывающая промышленность послужит основой для развития перерабатывающей промышленности, для подъема и развития сельского хозяйства и традиционных промыслов. Однако горнодобывающая промышленность стала основной, самодовлеющей отраслью и превратила республику в сырьевую колонию. Все остальные отрасли развивались постольку, поскольку она были необходимы для обслуживания основной.

Результаты исследований создали предпосылки для превращения республики из аграрной в индустриально-аграрную. Основной идеей было создание промышленно-индустриальной базы. Это предполагалось создать путем строительства горнодобывающих предприятий. Первым районом, где началось строительство подобных предприятий, был Алданский район. Укрепляя и развивая золотодобывающую промышленность Алдана, можно было сформировать горнодобывающую промышленность (в дальнейшем были открыты новые запасы месторождений золота, угля, олова, железа, платины, серебра, алмазов и т.д.), которая должна была послужить основой для создания крупной промышленной базы, способной повернуть экономику молодой республики на индустриальный путь развития.

Вторым направлением мыслилось создание местной обрабатывающей промышленности. Это предполагало организацию в промышленных масштабах производства местных материалов (кирпича и цемента); формирование лесобработывающей промышленности в Алданском улусе и по среднему течению р. Лены; снабжение возникающих новых отраслей промышленности электроэнергией (сооружение энергоустановок в Алданском улусе, в гг. Якутске, Олекминске, Вилюйске и других улусах). Такая линия развития призвана была обеспечить гармоничное развитие промышленного и аграрного секторов народного хозяйства, их «взаимооплодотворение». Имелась в виду разработка принципов и механизма использования промышленного потенциала в радикальном преобразовании жизни сельского населения, в создании новых производственных отношений в сельскохозяйственных улусах, повышении культуры ведения традиционных занятий, прежде всего, в преодолении рутинности и крайне низкого уровня производительности труда и т.д.

В аграрном секторе была выдвинута задача приоритетного развития животноводческой отрасли, при подсобной роли полеводства. Имелась в виду рационализация характера сельскохозяйственного производства в улусах, поднятие уровня его технического оснащения и культуры ведения, на основе организации снабженческо-сбытовых, арендно-подрядных кооперативов, машинно-тракторных пунктов, простейших производственных объединений по совместной обработке земли. В целом речь шла о создании материально-технической базы сельского хозяйства, качественно новой организации сельскохозяйственного труда.

Предусматривалось внедрение эффективного непосредственного инвестиционного механизма перечисления бюджетных средств из доходов общесоюзных промышленных предприятий, расположенных на территории республики, в местный республиканский бюджет на субсидирование капитальных вложений в сельское хозяйство и местную промышленность. К сожалению, эта идея не получила полной реализации из-за внедрения с конца 1920-х годов строго централизованного курса на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства.

Литература

1. Протоколы первого Всеякутского учредительного съезда Советов. Протокол № 1 от 27 декабря 1922. <http://iltumen.ru/content/protokol-%E2%84%961-ot-27-dekabrya-1922-goda>
2. Протокол № 14 от 12 января 1923. <http://iltumen.ru/content/protocol-%E2%84%96-14-ot-12-yanvarya-1923-goda>
3. Якутская экспедиция Академии наук СССР. – М.-Л., 1936.
4. Иванов В.Н. Историческое значение деятельности Якутской экспедиции АН СССР по изучению производительных сил Якутской АССР / Итоги и развитие исследований Якутской экспедиции Академии наук. – Итоги и развитие исследований Якутской экспедиции Академии наук: Материалы научной конференции. Якутск: ЯНЦ СО РАН. 1996. – 96 с.

References

1. Protokoly pervogo vseyakutskogo uchreditelnogo sezda sovetov. Protokol № 1 ot 27 decabrya 1922. <http://iltumen.ru/content/protokol-%E2%84%961-ot-27-dekabrya-1922-goda>
2. Protocol № 14 ot 12 yanvarya 1923. <http://iltumen.ru/content/protokol-%E2%84%961-ot-27-dekabrya-1922-goda>
3. Yakutskaya expedicia Akademii nauk SSSR. M.: L. 1936.
4. Ivanov V.N. Istoricheskoe snachenie deyatel'nosti Yakutskoi ekspedicii AN SSSR po isucheniu pkoizvoditel'nyh sil Yakutskoi ASSR/Itogi I razvitie issledovani Yakutskoi expdicii Akademii nauk.- Itogi i razvitie issledovani Yakutskoi ekspedicii Akademii nauk_ Materiali nauchnoi konferencii. Yakutsk_ YaNC SO RAN. 1996. 96.s.

Значение якутского воеводства в установлении первых контактов с народами Восточной Азии

Аннотация. Со времени включения Республики Саха (Якутия) в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО) и в связи с усилением внешнеэкономической ориентации РФ на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) значительно вырос интерес к вопросам истории бывшего Ленского края, в том числе и к его первым контактам с Китаем, Японией и Кореей. Необходимо особо подчеркнуть значение и роль основанного в 1640 г. в Ленском крае Якутского воеводства, которое стало главным центром колонизации всего Тихоокеанского побережья и бассейна Амура и местом первых контактов с представителями азиатских соседей по АТР. Активная деятельность Якутского воеводства не только способствовала добровольному вхождению Ленского края и других районов Сибири в состав российского государства, но и внесла определенную ясность в застарелый российско-японский спор о принадлежности так называемых «северных территорий» в составе четырех островов Курильской гряды. Таким образом, сама история Якутского воеводства Ленского края свидетельствует о правильном пути, избранном Республикой Саха (Якутия) в составе ДФО в политике новой России по сближению и интеграции ее в различного рода структуры АТР.

Ключевые слова: Ленский край, Якутское воеводство, казаки, японцы, айны, Цинская империя, торговля, корейский шаманизм.

F.F. Zhelobtsov

The Importance of the Yakut Voivodship in Establishing the First Contacts With the Peoples of East Asia

Abstract. Since the incorporation of the Sakha Republic (Yakutia) into the Far Eastern Federal District and the strengthening of Russia's foreign economic orientation toward the countries of the Asia-Pacific region, interest in the history of the former Lena region, including its first contacts with China, Japan and Korea, has grown significantly.

It is necessary to emphasize the importance and the role of the Yakut voivodship, founded in 1640 in the Lena region, which became not only the main center for the colonization of the whole Pacific coast and the Amur basin, but also the place of first contacts with representatives of the Asian neighbors in the Asia-Pacific Region.

The active activities of the Yakut voivodship not only contributed to the voluntary entry of the Lena region and other regions of Siberia into the Russian state, but also brought certain clarity to the long-standing Russian-Japanese dispute over the so-called "northern territories" belonging to the four islands of the Kuril chain.

Thus, the very history of the Yakut voivodship of the Lena region testifies to the correct path chosen by the Sakha Republic (Yakutia) as part of the Far Eastern Federal District in the policy of the new Russia in bringing it closer to and integrating it into various types of Asia-Pacific structures.

Keywords: Lena region, Yakut voivodship, Cossacks, Japanese, Ainu, Qing Empire, trade, Korean shamanism.

ЖЕЛОБЦОВ Федот Федотович – доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

ZHELOBTSOV Fedot Fedotovich – Associate Professor of the Department of Oriental Languages and Country Studies at the Institute of Foreign Philology and Regional Studie, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Введение

Перестроечные процессы в нашей стране открыли Россию не только Западу, но и Востоку, где политическим и экономическим приоритетом для укрепления российских позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) стали Китай, Япония и Южная Корея.

Благодаря новому статусу Республики Саха (Якутия) в составе ДФО сегодня нам стали гораздо ближе проблемы взаимоотношений России с дальневосточными соседями не только экономического, но и исторического характера.

Несмотря на скудость архивных материалов, отдельные имеющиеся публикации могут пролить свет на столь неизвестный и сложный период истории Российской империи, связанный с ее первыми контактами со странами АТР.

Известно, что для освоения Сибири и Дальнего Востока в 1640 г. было основано Якутское воеводство, которое и стало главным центром колонизации всего Тихоокеанского побережья и бассейна Амура. Казаки Якутского воеводства внесли неоспоримый вклад в процесс включения не только Ленского края, но и всего Приамурья в состав Российского государства. Укрепленные российские остроги на берегах Амура в XVII в. были тесно связаны с Якутским воеводством множеством северных троп [1].

Известный якутский учёный Г.П. Башарин не раз подчёркивал, что «Якутия оказала непосредственное влияние на добровольное вхождение Забайкалья, Приамурья, Дальнего Востока в состав Российского государства» [2].

Казаки Якутского воеводства всего за 60 лет после присоединения Сибири к России дошли до побережья Тихого океана. Города Анадырь и Охотск, основанные после экспедиций якутского казака Семёна Дежнёва, в 1649 г. стали базами для подробного исследования Курильской гряды островов. Именно Семен Дежнев в 1648 г. обогнул Чукотский полуостров и открыл пролив между Азией и Американским континентом, первым совершив плавание из Северного Ледовитого океана в Тихий океан. Стоит напомнить и о том, что в тот период Курильская гряда островов административно входила в состав Якутского уезда и управлялась начальниками Камчатки, направлявшимися из Якутского острога. Только в 1731 г. Курилы были переданы в ведение образованного Охотского Приморского управления.

Первые контакты на Амуре с Цинской империей Китая

В конце XVII в. возник конфликт между двумя могучими империями того времени – Россией и Китаем. Правившая маньчжурская династия Цинской империи крайне отрицательно отнеслась к укреплению Российской империи именно в бассейне Амура, который она рассматривала в качестве укрытия в случае изгнания ее из Китая. Маньчжурские войска штурмом овладели Албазином – первой укрепленной крепостью на Амуре, которая была построена под руководством якутского казака Ерофея Хабарова [3].

Кстати, позднее с падением Албазина напрямую связано проникновение русского православия в Китай: значительная часть пленённых казаков была уведена в Пекин, где русские люди построили первую православную часовню в Поднебесной.

Первые российско-японские деловые контакты

В течение XVI–XIX вв. Россия и Япония неуклонно сближали свои границы. Не последнюю роль в этом играли коммерческие интересы сторон, особенно драгоценная «мягкая рухлядь» (шкуры соболя, бобра, куницы, песка), которая была главным экспортным товаром русского государства.

Именно якутский казачий пятидесятник, атаман Владимир Атласов в 1697–1698 гг. впервые вошёл в контакт с аборигенами Камчатки – камчадалами и айнами Курильских островов, когда по заданию якутского воеводы предоставлял им российское подданство и затем собирал с них ясак. Атласов представил якутскому воеводе первое описание островов Курильской гряды. За свои заслуги он получил имя «Камчатский Ермак».

Таким образом, первопроходческая миссия якутских казаков косвенно вносит ясность в застарелый российско-японский спор об «исконной» принадлежности четырёх курильских островов, где проживало коренное население – племена айнов и нивхов, имевших свою уникальную и самобытную культуру.

Через аборигенов Курильских островов, которые активно торговали с японцами, были установлены первые торговые связи с Японией. Например, отправленные из Якутска в 1711 г. казаки Иван Козыревский и Данила Анциферов подробно исследовали острова Шумшу, Парамушир, Онекотан, Итуруп и Уруп. В 1713 г. якутский воевода поручил Козыревскому завязать с японцами торговые связи. Судя по его донесениям в Якутск, наказ воеводы был исполнен. Козыревский также собрал много сведений о подавляющем большинстве Курильских островов и даже об острове Матмай (ныне остров Хоккайдо).

Много написано о судьбе трёх японцев, попавших волею судьбы в начале XVII в. в Россию, и ставших первыми преподавателями японского языка в Петербурге и Иркутске [См.: 4]. Однако в этой работе японского исследователя незаслуженно не упомянута судьба четверых японцев, которые в результате крушения их судна «Тага-мару» на Курилах, попали в плен якутским казакам – сборщикам ясака и были доставлены в Якутск предположительно в сентябре 1747 г. [5].

В ноябре 1744 г., выйдя в море из Эдо (Токио), «Тага-мару» попало в жестокий шторм. Судно унесло в океан. Только в мае следующего года его выбросило на берег северокурильского острова Онекотан. Почти половина экипажа и владелец «Тагу-мару» Такэути Токубэй погибли.

В Якутске японцы приняли крещение, получили русские имена и фамилии: Рихатино – Матвей Попов, Санносукэ – Иван Татаринев, Чосукэ – Филипп Трапезников и Кюсукэ – Иван Семёнов. Японских моряков разделили на две группы: пятеро из них должны были выехать в Петербург и преподавать там японский язык. Четверых – Рихатино (Матвей Попов), Санносукэ (Иван Татаринев), Чосукэ (Филипп Трапезников) и Кюсукэ (Иван Семёнов) – оставили в Якутске, обязав их открыть также школу японского языка. Таким образом, в Якутске, в котором тогда не было ни одной школы, в 1747 г. с помощью японцев была открыта первая школа. Для более комфортной жизни в суровых условиях Якутии и продуктивной работы их обеспечили всем необходимым. Так простые японские моряки прилежно приступили к работе по обучению местных детей японскому языку, не имея никакой специальной литературы и словарей. Не секрет, что в XIX в. в Якутии основным языком межнационального общения был якутский язык, поскольку русское население составляло всего 7,4% населения края. Представляется, что японцы в Якутске должны были спешно осваивать и разговорный якутский язык, чтобы лучше установить контакт с учениками [6, с. 202].

Указом Сената от 28 декабря 1753 г. японским учителям присвоили чин «коллежского переводчика», соответствовавший чину поручика согласно петровской «Табели о рангах» от 1722 г. Годом позже трое из пяти японцев из Петербурга были направлены в Иркутск. Тогда же якутская японская школа была переведена в г. Илимск. А в 1761 г. её присоединили к школе японского языка в Иркутске.

О скором возвращении экипажа «Тага-мару» в Японию не было и речи. Скорее всего, японцам поставили условие: научите россиян своему языку, тогда и вернётесь домой. Для них это условие служило мощным стимулом. Усилиями «якутского» японца Андрея Татаринова, сына Ивана Татаринова (Санносукэ) был составлен «Лексикон российско-японский», который со служил в будущем немалую службу в подготовке переводчиков.

Лексикон содержал 997 русских и соответствующих им японских слов, а также числительные, названия дней и месяцев, разговорные предложения.

К сожалению, очень мало известно о дальнейшей судьбе «якутских» японцев. Больше всех повезло Хёбэ – Петру Степановичу Киселёву, который успешно проявил себя на педагогической стезе: сумел устроиться помощником учителя в Иркутской школе японского языка, что помогло ему получить чин коллежского регистратора. В 1793 г. в Иркутск прибыл Н.П. Резанов с духовной миссией архимандрита Иосафа и который имел беседу с бургомистром города Степаном Киселёвым, занявшим этот пост в январе 1793 г. Управляющим делами первого российского посланника в Японии был Иван Трапезников, сын Чосукэ, матроса с «Тага-мару». Переводческую деятельность успешно вёл некто Антипин – сын казака, обучившийся япон-

скому языку в Якутске. Нужно отметить, что для японцев, попавших тогда в Россию, надежды вернуться на родину в большинстве случаев остались несбывшимися мечтами. Многие из них женились, обзавелись семьями. Их дети и ученики остались единственными носителями японского языка в Российской империи.

Знакомство с представителями «иностранный» государства не обошлось без внимания и со стороны торговых людей Ленского края.

Начало торговым связям с Японией заложил якутский казачий род Киселёвых, который в 1639 г. вынужден был бежать в губернский Иркутск из-за гонений со стороны Петра Головина – воеводы Якутского острога, против злоупотреблений которого Киселевы подписали челобитную [7].

В Иркутске Ерофей Киселёв занялся активной торговой деятельностью: промышленял добычей моржовой кости, занимался пушным промыслом и увлёк этим сыновей, внуков и правнуков. В 1783 г. в Охотск отправились Степан, Фёдор и Михаил – внуки Ерофея Киселёва, чтобы построить небольшой парусный галиот «Св. Изосим и Савватий». Они решили освоить Командорские острова и остров Атка, богатые «мягкой рухлядью».

Но со временем Киселёвы проиграли своим иркутским конкурентам борьбу за право получения правительственного разрешения «на производство промысла» в новых землях. В 1799 г. была создана Российско-Американская компания под покровительством императора Павла I. Ей были предоставлены монопольные права на производство пушного промысла, торговлю и открытие новых земель в северо-восточной части Тихого океана. К слову, Российско-Американская компания заимела свой порт Аян, откуда был проложен и знаменитый для середины XVIII в. Аяно-Якутский тракт. В итоге Киселёвым пришлось свернуть свой промысел и вернуть судно «Св. Изосим и Савватий» в Охотск.

Но эти события не обескуражили Степана Киселёва, давно присматривавшегося к торговле с японцами. Он первый выступил с идеей наладить такую торговлю, но не через Нагасаки, а с севера на Матмае (Хоккайдо) или же в случае отказа японцев – на Кунашире. Эта идея родилась не на пустом месте, а опиралась на доходившие до иркутских купцов слухов из Якутска о торговле, которую вели с Матмаем айны с Курильских островов. То, что дело обстояло именно так, подтвердил капитан-лейтенант Василий Головин, вызволенный в 1813 г. из японского плена, который в своём дневнике отметил при небольшом заливе наличие магазина для склада товаров, привозимых курильцами. Коммерческие плавания в восточных морях, безусловно, будили интерес у предприимчивых людей.

Степан Киселёв, пытаясь заручиться поддержкой своего плана со стороны других иркутских купцов, вновь предложил организовать специальную компанию по торговле с Японией и подал в Иркутское губернское правление записку с кратким планом создания такой компании. Он предлагал сделать её акционерной и выпустить акции стоимостью по 200 рублей каждая. Но и эта попытка Киселёва снарядить судно в Японию на паях не увенчалась успехом, а в одиночку такое предприятие он осилить не смог – не хватило денег. В этой ситуации инициатива организации экспедиции в Японию вновь перешла в руки Российско-Американской компании.

Однако и эта неудача не остановила якутского купца. Не отказавшись от своих целей установить торговые связи с Японией, Киселёв нашёл в Иркутске трёх японцев – Хёбэ, Сабуро и Таминоскэ, отчаявшихся вернуться на родину и решивших обосноваться в России, и помог им перейти в православие. Таким образом, с лёгкой его руки Хёбэ стал Петром Степановичем Киселёвым, Сабуро – Семёном Степановичем Киселёвым, Таминоскэ – Иваном Степановичем Киселёвым. А для того чтобы еще крепче привязать японцев к своему торговому дому, предприимчивый казак сосватал им в жёны своих ближайших тёток, привезённых из Якутска, став таким образом крёстным отцом японцев. К сожалению, новообращённых православных пристроить к торговле с Японией крёстному не удалось. Более того, позже, покидая Россию, японские зятья оставили своих жён в Иркутске.

Из дореволюционных связей Якутии можно упомянуть якутского купца Дмитрия Винокурова, который вёл активную торговлю с Японией до революции. Этот факт подробно описан в книге писателя из Сахалина Николая Вишневого «Отасу. Этнополитические очерки» [8].

Северные корни корейского этноса

Что касается связей Ленского края с Кореей, то здесь, безусловно, доминирует духовная сфера.

Корейцы искренне верят, что их прародиной является северо-восток Сибири. В качестве доказательств этого приводят общность многих догматов проторелигии человечества шаманизма и многочисленные общие археологические артефакты «скифского стиля».

Действительно, нельзя не признать тот очевидный факт, что шаманизм до сих пор остаётся культом религии и общим связующим звеном между якутами и корейцами, находящимися в одной алтайской языковой среде, оказавшим огромное влияние на культуру и менталитет обоих народов.

Удивительная схожесть целого ряда обычаев и традиций в корейском и якутском шаманизме может стать одним из косвенных доказательств происхождения корейского этноса в пользу его северного варианта.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что при тех условиях, когда вплоть до середины XIX в. огромное пространство Восточной Сибири до Тихого океана находилось в стороне от существовавших в то время политических и экономических интересов Российской империи, Ленский край, управляемый Якутским воеводством, сыграл немаловажную роль и внёс свою лепту в укрепление разносторонних связей с соседями по АТР.

Литература

1. Желобцов Ф.Ф. Надёжная связь времён. К 375-летию вхождения Якутии в состав Российского государства // Якутский университет. – 2007. – 27 сентября.
2. Башарин Г.П. Добровольное вхождение Сибири в состав России // Якутский университет. – 1983. – 6 января.
3. Желобцов Ф.Ф. К истории становления российско-китайских отношений // Проблемы славянской культуры и цивилизации. Материалы XI международной научно-методической конференции, посвящённой 100-летию педагогического образования на Дальнем Востоке и 55-летию Уссурийского государственного педагогического института. – Уссурийск, изд-во УГПИ, 2009. – С. 35–37.
4. Синтаро Накамуро. Японцы и русские. – М., «ПРОГРЕСС», 1983. – 301 с.
5. Барашкова С.Н. Конитива, догор // Якутия. – 2003. – 21 октября.
6. Пестерев В.И. Страницы истории Земли Олонхо. – Якутск: Бичик, 2013. – 272 с.
7. Юрий Георгиев, Виталий Гузанов «Одиссея русского японца» // Япония сегодня. – 2002. – №2. – С. 6–9 (продолжение; начало см. в №1. – 2002).
8. Вишневский Н.В. Отасу. Этнополитические очерки. – Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2013. – 283 с.

References

1. Zhelobcov F.F. Nadjozhnaja svjaz' vremjon. K 375-letiju vhozhdenija Jakutii v sostav Rossijskogo gosudarstva // Jakutskij universitet. – 2007. – 27 sentjabrja.
2. Basharin G.P. Dobvol'noe vhozhdenie Sibiri v sostav Rossii // Jakutskij universitet. – 1983. – 6 janvarja.
3. Zhelobcov F.F. K istorii stanovlenija rossijsko-kitajskih odnoszenij // Problemy slavjanskoj kul'tury i civilizacii. Materialy XI mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii, posvjashhjonnoj 100-letiju pedagogicheskogo obrazovanija na Dal'nem Vostoke i 55-letiju Ussurijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – Ussurijsk, USPI publ., 2009. – S. 35–37.
4. Sintaro Nakamuro. Japoncy i russkie. – M., "PROGRESS", 1983. – 301 s.
5. Barashkova S.N. Konitiva, dogor // Jakutija. – 2003. – 21 oktjabrja.
6. Pesterev V.I. Stranicy istorii Zemli Olonho. – Jakutsk: Bichik, 2013. – 272 s.
7. Jurij Georgiev, Vitalij Guzanov «Odisseja russkogo japonca» // Japonija segodnja. – 2002. – № 2. – S. 6–9 (prodolzhenie; nachalo sm. v №1. – 2002).
8. Vishnevskij N.V. Otasu. Jetnopoliticheskie ocherki. – Juzhno-Sahalinsk: Sahalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 2013. – 283 s.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327 (985)

Ю.Д. Петров

Арктика: новый геополитический код России через призму «Северо-Восток РФ»

После распада СССР Россия потеряла практически все свои геополитические зоны влияния, так называемые защитные оболочки, в которых происходит геополитическая переориентация. В современном мире происходят достаточно сложные процессы, а именно борьба мировых центров силы за обретения беспрепятственного доступа к различным ресурсам. Важнейшей задачей современной геостратегии России, является удержания собственного положения в Арктике. В настоящее время у ряда государств резко возрос неподдельный интерес к Арктике, исходя из того, что в современной мировой политике Арктика занимает исключительно важное место и в экономическом, и политическом, и военном отношениях. Россия с точки зрения геополитики (территории) имеет широкую арктическую зону. Россия выработала свою государственную арктическую политику. Если раньше главное внимание уделялось только освоению Арктики, то сегодня на первый план выдвинулась так называемая политика главного присутствия в Арктике. Современная Арктика в мировой политике – это прежде всего политика военного присутствия и борьба за ресурсы. Для самой России составляющей арктическую геостратегию является государственная политика выживания и сохранения малочисленных народов Севера, проживающих в арктической зоне. В статье анализируется выделение Арктики в самостоятельный объект современной геостратегии России. Автором определен новый геополитический код России через призму Северо-Востока РФ.

Ключевые слова: геостратегия, геополитический код, национальные интересы РФ, геостратегический регион, приоритет, малочисленные народы Севера, Арктика, ресурсы, регион.

Yu.D. Petrov

The Arctic: a New Geopolitical Code of Russia in the 21 Century

Abstract. After the collapse of the USSR, Russia lost almost all of its geopolitical zones of influence, the so called protective shells, in which geopolitical reorientation takes place. In the modern world, there are quite complex processes, namely the struggle of peaceful centers of power for gaining unhindered access to various resources. An important task of modern geostrategy of Russia is to maintain its own position in the Arctic. Currently, a number of states have sharply increased genuine interest in the Arctic, based on the fact that in the modern world politics, the Arctic occupies an extremely important place in economic, political and military relations.

In terms of geopolitics (territory), Russia has a wide Arctic zone. Russia has developed its state policy on the Arctic. If earlier the focus was only on the development of the Arctic, today the main policy of the main presence

ПЕТРОВ Юрий Дмитриевич – доктор политических наук, профессор кафедры истории, общественно-научных, политологии Исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: petrovyd@mail.ru

PETROV Iurii Dmitrievich – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of History, Social Studies, Political Studies, Histori Faculty, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

in the Arctic has come to the fore. The modern Arctic for the world politics is primarily a policy of military presence and struggle for resources. For Russia itself, the state policy of survival and co-storage of indigenous peoples of the North living in the Arctic zone is a co-establishing Arctic geostrategy.

The article analyzes the allocation of the Arctic region as an independent object of modern geo-strategy of Russia. The author defines a new geopolitical code of Russia through the prism of the North-East of the Russian Federation.

Keywords: geostrategy, geopolitical code, national interests of the Russian Federation, geo-strategic region, priority, indigenous peoples of the North, Arctic region, resource region.

Введение

Выделение понятия «Северо-Восток России» с учетом его географически-пространственного положения в качестве геополитического субъекта политики вполне оправданно. Северо-Восток России имеет все основания занять соответствующее место в геополитическом развитии РФ, особенно в государственной арктической политике. Россия обладает всеми объективными условиями занять достойное место в мировой цивилизации. Новый геополитический код через Северо-Восток России изменит геополитический статус Российской Федерации.

Современная геостратегия России должна быть всемерно ориентирована на социально-экономическое и военно-политическое укрепление Дальневосточного региона. В этих условиях Якутия, исключительно богатая и колоссальная по масштабам сырьевая база, занимает особое место в государственной геостратегии РФ. Не только выгодная географическая расположенность Якутии, но и другие факторы усиливают геополитический код Республики Саха (Якутия).

Арктическая зона России исторически осваивалась проживающими в этой зоне народами, а значительная территория северных районов Республики Саха (Якутия) приходится на арктическую зону, где живут и трудятся малочисленные народы Севера. В Республике Саха (Якутия) проживают 32860 представителей малочисленных народов Севера: эвенков – 18232 человек, эвенов – 11657, юкагиров – 1097, чукчей – 602, долган – 1272. Численность малочисленных народов Севера составляет 3,2% в составе всего населения Республики Саха (Якутия). Они создали уникальную циркумполярную культуру выживания в суровых природно-климатических условиях Арктики. Освоение арктических территорий имело и имеет для них поистине историческое значение: оно привнесло в жизнь коренных народов Севера новую культуру и имело цивилизационное значение.

Таким образом, в современных условиях российская арктическая политика получает совершенно новое звучание и приобретает статус важнейшей государственной политики. А в ее реализации одним из важнейших компонентов является государственная политика выживания и сохранения малочисленных народов Севера, носителей уникальной циркумполярной арктической культуры. Россия обладает всеми объективными условиями занять достойное место в мировой цивилизации. Новый геополитический код через Северо-Восток России изменит геополитический статус Российской Федерации [1].

Геостратегия России в XXI веке

Американский политолог Джон Гэддис, анализирувавший американскую внешнюю политику времен «холодной войны», использовал впервые понятие «стратегический код» и «геополитический код», описывая политику различных американских администраций. П.Тэйлор заимствовал это понятие у Джона Гэддиса и применил его в геополитике. Он полагал, что у каждой страны есть свой определенный геополитический код, который может меняться на протяжении истории. Этот код включает несколько положений, которые имеют географический смысл и являются значимыми для внешней политики. Речь может идти об определении зон национальных интересов, сфер влияния, отношений с соседними странами, глобальных интересов, т.е. под геополитическим кодом подразумеваются географические основы внешней политики.

Непосредственную практическую ценность в рамках геополитического кода имеет геостратегия, которая представляет собой набор практических предложений для реализации це-

лей, определенных в геополитическом коде. Геополитика после введения понятия «геополитический код» перешла от выработки геостратегий к анализу геостратегических реалий и определению геополитических кодов разных стран. Глобальный геополитический код существует у тех государств, которые имеют глобальные интересы и стремятся к мировому господству. На этом уровне государство вырабатывает определенное представление о мире, о расстановке сил в нем и о своих действиях по укреплению глобального влияния [2].

В современном мире происходят достаточно сложные процессы, а именно борьба мировых центров силы за обретения беспрепятственного доступа к различным ресурсам. Россия как государство, играющее значительную роль в мировой политике, не может не иметь собственной геостратегии.

Выработка геостратегии российского государства процесс достаточно сложный, требующий учета как состояния самой России, ее ресурсов, потенциала, так и внешних факторов. Очевидно, что геостратегическая линия России будет неоднократно корректироваться и уточняться. Однако некоторые императивы ее геостратегии обсуждаются геополитиками сегодня. Специалисты по геостратегии едины во мнении, что России предстоит решить ряд задач, которые могут определять ее статус. Россия должна постараться как можно более успешно интегрироваться в мировую геополитическую и экономическую систему, с максимальной пользой использовать свое геополитическое положение между Европой и Азией. Изменение геополитической структуры мира и возрастание роли АТР в ней настоятельно требуют от России выработки новой, более целенаправленной политики в этом регионе. Это потребует определения национальных интересов и задач, связанных с обеспечением национальной безопасности, а также интеграции России в региональные экономические и политические структуры [3].

Северо-Восток РФ: новый геополитический код России XXI века

В настоящее время по ряду известных причин как никогда возрастает значение Северо-Востока России. В этих непростых условиях «геополитического местоположения» Россия ищет свои новые геостратегические коды. И здесь новым подходом к проблеме геополитического статуса России будет Северо-Восток РФ как главный геополитический код России в XXI веке.

Истоки понятия «геополитический код» лежат в классической геополитике. Так, один из основателей геополитики английский ученый Макиндер изъясил из состава «Хартленда» территорию Восточной Сибири, расположенную восточнее Енисея, назвав эту слабозаселенную территорию России «Lenaland» – «Земля реки Лена». Выделение этой геополитической величины, богатой природными ресурсами, предполагало включение ее в зону берегового пространства, которое может быть использовано морскими державами против Хартленда.

По этой схеме Якутия составляет ось этого региона – от моря Лаптевых до Амурской области и Алтая на юге. Макиндер особо подчеркивал, что северная половина «Lenaland», с точки зрения чисто географической, предполагает рассмотрение ее в качестве единого геополитического комплекса. Это делалось для того, чтобы континентальная стратегия уделила данному сектору особое внимание. Это было единственное противостояние атлантизму, или широтной экспансии США.

Значит, Северо-Восток России – это особое, «резервное пространство», которое представляет собой последнюю «неосвоенную» как следует часть евразийского материка. Заметим, что именно неосвоенность Восточной Сибири заставили Макиндера в его поздних работах включать «Lenaland» в особое геополитическое образование с большим будущим [4].

Как видно, классики геополитики выделяли Северо-Восток как особую зону или категорию «местоположения» с большим будущим в мировой геополитике.

В отечественной геополитике есть другое видение вопроса. Так А.Г. Дугин, с одной стороны, вполне справедливо признает современную Якутию как особую сильную геополитическую категорию XXI века, а с другой – крайне опасается ее экономического, особенно политического усиления. Он пишет: «Якутия обладает таким стратегическим местонахождением, которое дает все предпосылки для превращения в самостоятельный регион, независимый от

Москвы. Это обеспечивается и протяженной береговой линией, и меридиальной структурой территорий республики, и ее технической оторванностью от остальных сибирских регионов. При определенном стечении обстоятельств именно Якутия может стать основной базой атлантической стратегии... Если добавить к этому близость тихоокеанского берега, крайне слабо заселенного русскими, то опасность удваивается за счет возможного контроля талассократии над береговыми зонами... Геополитическая битва за Lenaland должна начинаться уже сейчас...» [5].

Что можно сказать по этому поводу? По сути это есть признание объективного возрастания геополитического кода Северо-Востока России через Якутию в XXI веке. Не случайно в современных условиях территория ДВФО стала центром притяжения геополитических и геоэкономических интересов ряда стран, особенно США и Китая.

Данное уникальное геополитическое положение Северо-Востока России определяется следующими факторами. Контроль над этим пространством имеет жизненно важное, без преувеличения, всемирное значение. Геополитическая привилегия России состоит в том, что она как государство занимает это пространство и представляет собою своего рода Евразийский мост. Грамотное использование этого геополитического статуса может привести к результатам большого исторического значения мирового масштаба.

Север дает огромный процент в общем промышленном продукте России. Российский Север фантастически богат природными ресурсами. По западным оценкам, стоимость всех основных видов полезных ископаемых России составляет около 28 триллионов американских долларов, что в три раза превышает этот показатель США. На Север России приходится почти 80 % запасов этих полезных ископаемых. Сегодня вклад Севера в общий экспорт РФ составляет около 60 %. По мнению экспертов, здесь содержится 50-60% всех доступных природных ресурсов планеты. Уже многократно доказано, что для России, для многих стран Западной Европы природные ресурсы Северо-Востока России безальтернативны. В других регионах их просто нет. Поэтому в геостратегии России XXI века освоение Северо-Востока станет самым важным государственным проектом.

На Северо-Востоке Россия имеет законченные геополитические границы. Более того, Северо-Восток России именно за счет океанических границ является резервным и прекрасно защищенным тылом «географической оси истории», где в критические моменты всегда можно создать дополнительные пространственные платформы для геополитического и стратегического переустройства национальной безопасности государства.

Особо следует выделить военный аспект. Арктическая зона РФ является гигантской стратегической военной зоной России, важнейшим поясом ее безопасности. Это – кратчайшее расстояние от России до территории США. По этой же причине данная территория является приоритетной зоной развития противоракетной обороны [6].

Государственная арктическая политика РФ и малочисленные народы Севера

В настоящее время Арктика становится зоной столкновения стратегических интересов крупнейших мировых держав, ведущих борьбу за контроль над имеющимися в регионе ресурсами, а также над важнейшим транспортным коридором – Северным морским путем. В геополитическом плане наибольшую угрозу национальной безопасности Российской Федерации в Арктике представляет политика США [7].

Основными национальными интересами Российской Федерации в Арктике являются использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны; сбережение уникальных экологических систем Арктики.

Арктическая политика имеет военно-политический, экономический, правовой аспекты и в целом является проблемой государственной и национальной безопасности РФ.

Запад нуждается в Арктике не только и не столько в военных целях, сколько экономических: мечта мощных промышленных международных корпораций – взять под свой контроль сырьевые ресурсы России в арктических районах. А ресурсы эти поистине огромны. Так, по

оценкам экспертов Запада и ООН, стоимость всех запасов основных видов полезных ископаемых России составляет 28 трлн долларов (в США, к примеру, только 8 трлн), из них на Север приходится около 80%, а также почти 100% разведанных у нас запасов никеля, кобальта, олова и редкоземельных элементов. Особое внимание проявляется к европейскому Северу России, занимающему исключительное положение в РФ по богатству минеральных ресурсов и топливно-энергетическим запасам. В регионе находятся крупнейшие в Европе запасы алмазов, бокситов, серьезные ресурсы золота, медно-никелевых руд и других полезных ископаемых. По экспертным оценкам, при объеме иностранных инвестиций до 5 млрд долларов через пять лет в регионе можно добывать до 35 млн т нефти в год. При этом географическое положение региона создает благоприятные условия для их перевозки в Европу, США, Канаду, а через Северный морской путь – в Японию и страны АТР (для них это существенно ближе, чем транспортировка сырья из Персидского залива, Западной Африки и Южной Америки) [8, 9].

Арктическая зона России исторически осваивалась проживающими в этой зоне народами Севера. Они создали уникальную циркумполярную культуры выживания в суровых природно-климатических условиях Арктики.

Национальная политика государства по отношению к малочисленным народам Севера в разные периоды была неоднозначной, можно выделить следующие ее разноплановые и по содержанию, и по результатам модели: модель государственного диктата, патернализма, протекционизма. Со второй половины XX века оформилась государственная политика интенсивного промышленного вторжения в среду обитания народов Севера. Они были вытеснены из мест традиционного обитания, лишились национальной государственности, пришли в упадок традиционные отрасли хозяйства. В районах расселения малочисленных народов Севера были произведены в промышленных целях 12 ядерных подземных взрывов, нанесших непоправимый урон здоровью населения и экологии региона. Хищническое вторжение топливно-энергетического комплекса в природную и культурную среду обитания народов резко ухудшило и без того тяжелое национальное и гражданское самочувствие коренных малочисленных народов Севера.

Положение коренных жителей Арктики, особенно малочисленных народов Севера, в настоящее время не просто тяжелое, а катастрофическое: они находятся на грани исчезновения с лица Земли. Приведем несколько данных. Наметилась тенденция сокращения их численности, прирост населения сократился в 5 раз, смертность возросла в 3 раза, продолжительность жизни снизилась на 20 лет. Наметилась тенденция сокращения численности коренного населения: численность эвенков Якутии сократилась на 1145 человек, чукчей – на 449, юкагиров – на 832 (их осталось всего 526 человек). Численность ульчей составляет всего – 2,5 тыс. человек, нивхов – 2,3 тыс. человек, саамов – 2 тыс. человек, негидальцев – 600 человек, ороков – 560 человек. В целом реализовался государственный диктат над малочисленными народами Севера [10].

Сила государства и его стабильность находятся в прямой зависимости от государственной национальной политики. Если же государство не уделяет должного внимания национальным проблемам, то оно само же подтачивает свои устои. Получается следующая формула: если существует опасность разрушения национальных ценностей, то эта опасность равно существует и для общечеловеческих ценностей. Свободное и многообразное развитие и существование любого народа, в том числе и самого малочисленного, есть важнейшее условие прогрессивного развития общечеловеческих ценностей. Опираясь на такой методологический подход, можем сказать, что сохранение и выживание малочисленных народов Севера – проблема не только частная, но и общечеловеческая. Исчезновение малочисленных народов Севера будет шагом на пути самоуничтожения в целом и самого человечества. Поэтому государство просто обязано обратить на них особое внимание, ибо этническая катастрофа, имеющая сегодня место в районах исторического проживания народов Севера, начало самоуничтожения человечества.

К числу первостепенных задач государственной политики выживания и сохранения малочисленных народов Севера относятся: улучшение социальных условий проживания коренных малочисленных народов Севера; сохранение естественной среды их обитания и традиционного хозяйственного уклада на основе новых технологий; улучшение экологической ситуации; улучшение условий жизни, жилья, коммунального и бытового обслуживания, обеспечения топливом и энергией; обеспечение занятости, развитие традиционных отраслей, промыслов, переработка их продукции и товарообмен; медицинское и санитарно-эпидемиологическое обеспечение, создание службы санитарно-эпидемиологического мониторинга; развитие системы коммуникаций (грузопассажирских линий, автомобильных дорог, средств связи, радиовещания и телевидения); обеспечение жильем граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера; духовное возрождение коренных малочисленных народов Севера; укрепление материально-технической базы сельской хозяйства и промыслов,

Таким образом, в современных условиях арктическая политика РФ получает совершенно новое звучание и приобретает статус важнейшей государственной политики, в ее реализации одним из важнейших компонентов является государственная политика выживания и сохранения малочисленных народов Севера, носителей уникальной циркумполярной арктической культуры. Новый «геополитический код России через призму «Северо-Восток РФ» имеет две составляющие: во-первых, военно-политический аспект и борьба за сырьевые ресурсы; во-вторых, политика выживания и сохранения малочисленных народов Севера.

Заключение

Настоящее время дает основание нового этапа формирования государственной политики в Арктике. Арктическая зона РФ обладает серьезными конкурентными преимуществами, заложенными как самой природой, так и тяжелым человеческим трудом. И только при наличии грамотной государственной политики можно весьма эффективно использовать эти факторы для динамичного социального развития арктических районов нашего государства для укрепления обороноспособности и подъема экономики в целом. Однако в настоящее время модели развития Севера и особенно государственная политика выживания и сохранения малочисленных народов Севера не дают адекватной отдачи.

Результатом перемен стало усиление внимания к вопросам законодательного регулирования обеспечения жизнеспособности и устойчивого развития арктических и северных территорий России. Министерство экономического развития разработало проект закона «О развитии Арктической зоны РФ». Закон о развитии Арктической зоны РФ и создании опорных зон на территории российского Крайнего Севера планируют внести на рассмотрение правительства в июне 2018 года.

Такова общая тенденция поступательности механизмов формирования государственной политики России в Арктическом регионе.

В целом защита геополитических интересов России в Арктике требует выработки решительных мер в направлении модернизации ее экономической и военной инфраструктуры. Необходима комплексная программа, включающая как внутренние, так и внешние аспекты по освоению арктических территорий, решению транскомуникационных и других вопросов, исходя из национальных интересов России. В геополитическом отношении этот регион наименее уязвим с точки зрения обеспечения безопасности РФ [11, 12, 13].

Таким образом, геостратегия России на северном направлении должна заключаться в дальнейшем снятии вопросов о возможном пересмотре российских границ, поддержании в надлежащем состоянии российских Вооруженных Сил на северном направлении, недопущении усиления позиций иностранных государств в освоении российских природных богатств в ущерб экономическим интересам России и решении проблемы сохранения малочисленных народов Севера.

Литература

1. Петров Ю.Д. Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная практика. – М., 1998.
2. Мальченков С.А. Геостратегия России: внутренние и внешние приоритеты. – URL: <http://priorityhttps://cyberleninka.ru/article/n/geostrategiya-rossii-vnutrennie-i-vneshnie-prioritety> (дата обращения: 04.03.2018).
3. Современные российские геополитические концепции и геостратегия России. – URL: http://14_97261_sovremennye-rossijskie-geopoliticheskie-kontseptsii-i-geostrategii-rossii.html (дата обращения: 27.02.2018).
4. Государственная политика России в Арктическом регионе: противоречивая поступательность механизмов формирования // Вестник Нижегородского университета. Серия «Социальные науки». – 2010. – № 2 (18). – С. 36-40.
5. Дугин Александр. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – М., 2000.
6. Политика России в Арктике: современный этап. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politika-rossii-v-arktike-sovremennyy-etap> (дата обращения: 05.03.2018).
7. Маруев А.Ю. Геополитический статус и геостратегия России в современных условиях // Вестник Академии военных наук. – 2009. – № 1 (26).
8. Борьба за Арктику : геополитика и геостратегия – URL: <http://www.contrtv.ru/common/4455> (дата обращения: 06.03.2018).
9. Петров Ю.Д. Геополитика. – Якутск, 2011.
10. Петров Ю.Д. Генезис этнонациональных воззрений в политической науке // Национальный вопрос. Теория. Современность. Политика. – Якутск, 2013. – С. 133-142.
11. Гушер А.И. Геополитика и геостратегия в современном мире // Мир и политика. – 2012. – №9.
12. Тонконогов В.А. Геостратегия России в современном мире. – URL: http://14_97261_sovremennye-rossijskie-geopoliticheskie-kontseptsii-i-geostrategii-rossii.html (дата обращения: 02. 01. 2018).
13. Основные направления геостратегии России. – URL: <http://preview/3858366/page:24/>(дата обращения: 05.03.2018).

References

1. Petrov YU.D. Malochislennyye narody Severa: gosudarstvennaya politika i regional'naya praktika. – M., 1998.
2. Mal'chenkov S.A. Geostrategiya Rossii: vnutrennie i vneshnie priorityety. – URL: <http://priorityhttps://cyberleninka.ru/article/n/geostrategiya-rossii-vnutrennie-i-vneshnie-priorityety> (data obrashheniya: 04.03.2018).
3. Sovremennyye rossijskie geopoliticheskie kontseptsii i geostrategiya Rossii. – URL: http://14_97261_sovremennye-rossijskie-geopoliticheskie-kontseptsii-i-geostrategii-rossii.html (data obrashheniya: 27.02.2018).
4. Gosudarstvennaya politika Rossii v Arkticheskom regione: protivorechivaya postupatel'nost' mekhanizmov formirovaniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya «Sotsial'nye nauki». – 2010. – № 2 (18). – S. 36-40.
5. Dugin Aleksandr. Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushhee Rossii. Myslit' prostranstvom. – M., 2000.
6. Politika Rossii v Arktike: sovremennyy etap. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politika-rossii-v-arktike-sovremennyy-etap> (data obrashheniya: 05.03.2018).
7. Maruev A.YU. Geopoliticheskij status i geostrategiya Rossii v sovremennykh usloviyakh // Vestnik Akademii voennykh nauk. – 2009. – № 1 (26).
8. Bor'ba za Arktiku : geopolitika i geostrategiya – URL: <http://www.contrtv.ru/common/4455> (data obrashheniya: 06.03.2018)
9. Petrov YU.D. Geopolitika. – YAkutsk, 2011.
10. Petrov YU.D. Genezis etnonatsional'nykh vozzrenij v politicheskoy nauke / Natsional'nyj vopros. Teoriya. Sovremennost'. Politika. – YAkutsk, 2013. – S. 133-142.
11. Gusher A.I. Geopolitika i geostrategiya v sovremennom mire // Mir i politika. – 2012. – №9.
12. Tonkonogov V.A. Geostrategiya Rossii v sovremennom mire. – URL: http://14_97261_sovremennye-rossijskie-geopoliticheskie-kontseptsii-i-geostrategii-rossii.html (data obrashheniya: 02. 01. 2018)
13. Osnovnyye napravleniya geostrategii Rossii. – URL: <http://preview/3858366/page:24/>(data obrashheniya: 05.03.2018)

— ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ —

УДК 340.5

*К.А. Будаев, А.П. Урбаева***Сравнительно-правовое исследование
конституционного (уставного) судопроизводства
в субъектах РФ и землях Берлин и Шлезвиг-Гольштейн ФРГ**

Аннотация. В большинстве федераций мира конституционное правосудие осуществляется как на федеральном, так и на региональном уровне. Конституционное правосудие в субъектах федерации способствует укреплению конституционной законности, защите прав и свобод человека, а также формированию единого правового пространства. Обращение к опыту функционирования органов конституционного контроля в других федеративных государствах позволяет проанализировать проблемы, существующие в органах конституционного (уставного) контроля в субъектах Российской Федерации. В представленной статье исследуются действующие правовые основы организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Указываются положения российского федерального закона о конституционном (уставном) суде субъекта Российской Федерации, его диспозитивность, основные полномочия и порядок финансирования. Анализируются причины отсутствия органов конституционной юстиции в большинстве субъектов Российской Федерации, а также выдвигается ряд предложений по устранению указанных причин, использованию опыта работы зарубежных стран, в частности, Федеративной Республики Германия. Далее затрагиваются особенности формирования земельных конституционных судов федеральных земель Берлин и Шлезвиг-Гольштейн. Актуальность освещения статуса конституционного правосудия в указанных федеральных землях выражается в том, что эти суды созданы в ФРГ в 1990-2000 годах, значительно позже по сравнению с аналогичными судами в прочих федеральных землях. В эти же годы появляются первые суды конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации. Нормативную и эмпирическую основу исследования составили: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, решения Конституционного Суда РФ; конституции и уставы субъектов Российской Федерации, законы субъектов Российской Федерации, Основной закон ФРГ, конституции земель ФРГ, законы о конституционных судах земель ФРГ.

БУДАЕВ Капитон Аюрзанаевич – кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета, Бурятский государственный университет. г. Улан-Удэ, Республика Бурятия.

E-mail: kapiton.budaev@gmail.com

BUDAEV Kapiton Aiurzanayevich – Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Chair of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Buryat State University, Ulan-Ude, Republic of Buryatia.

УРБАЕВА Александра Павловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры европейских языков, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия.

E-mail: urbaeva_a@mail.ru

URBAEVA Aleksandra Pavlovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Chair of European Languages, V.R. Philippov Buryat State Agricultural Academy, Ulan-Ude, Republic of Buryatia.

Ключевые слова: конституционное правосудие, конституционный (уставной) суд, субъекты РФ, статус судей РФ, земельный конституционный суд ФРГ, полномочия земельных конституционных судов, федеральные земли Германии, особенности формирования земельных конституционных судов, полномочия земельных конституционных судов, законы о земельных конституционных судах.

К.А. Budaev, A.P. Urbaeva

A Comparative Legal Study of the Constitutional (Statutory) Justice in the Subjects of the Russian Federation and the länder Berlin, Schleswig-Holstein, Germany

Abstract. In most federations of the world, constitutional justice is administered at both the federal and regional levels. Constitutional justice in the constituent entities of a federation contributes to strengthening of constitutional legality, the protection of human rights and freedoms, as well as the formation of a common legal space. Reference to the experience of the functioning of constitutional control bodies in other federal states allows analyzing the problems existing in the bodies of constitutional (statutory) control in the subjects of the Russian Federation. In the presented article, the existing legal bases of the organization and activity of constitutional (statutory) courts of subjects of the Russian Federation are investigated. The provisions of the Russian Federal law on the constitutional (statutory) court of a constituent entity of the Russian Federation, its dispositivity, basic powers and the procedure for financing are specified. The author analyzes the reasons of absence of constitutional justice bodies in the majority of subjects of the Russian Federation and puts forward a number of proposals to eliminate these reasons, the use of experience of foreign countries, in particular, the Federal Republic of Germany. The author further touches upon the peculiarities of formation of the land constitutional courts of the Federal länder Berlin and Schleswig-Holstein. The relevance of coverage of the status of constitutional justice in these Federal länder is expressed in the fact that these courts were established in Germany in 1990s-2000s, much later than similar courts in other Federal länder. In the same years, the first courts of constitutional justice appeared in the regions of the Russian Federation. The normative and empirical basis of the research is the Constitution of the Russian Federation, Federal constitutional laws, Federal laws, decisions of the constitutional Court of the Russian Federation; the Constitution and charters of constituent entities of the Russian Federation, laws of constituent entities of the Russian Federation, the Basic law of the FRG, the constitutions of the länder of Germany, laws on constitutional courts of the States of Germany.

Keywords: constitutional justice, constitutional (statutory) court of the constituent entities of the Russian Federation, status of judges of the Russian Federation, land constitutional court of Germany, powers of the constitutional courts of the land, federal land of Germany, peculiarities of the formation of the land constitutional courts, powers of the land constitutional courts, laws on constitutional courts of the land.

В Российской Федерации в соответствии со ст. 27 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. №1 – ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» конституционный (уставной) суд субъекта РФ может создаваться субъектом РФ для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта РФ, нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта РФ, а также для толкования конституции (устава) субъекта РФ. Финансирование конституционного (уставного) суда субъекта РФ производится за счет средств бюджета соответствующего субъекта РФ. Конституционный (уставной) суд субъекта РФ рассматривает отнесенные к его компетенции вопросы в порядке, установленном законом субъекта РФ. Решение конституционного (уставного) суда субъекта РФ, принятое в пределах его полномочий, не может быть пересмотрено иным судом [1, с. 18].

В Законе РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» закреплено следующее:

– судьей конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации может быть гражданин, достигший возраста 25 лет и имеющий стаж работы по юридической профессии не менее 5 лет (ст. 4);

– председатели, заместители председателей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации назначаются на должность в порядке, определяемом законами соответствующих субъектов Российской Федерации (ст. 6.1);

– для судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации законами соответствующих субъектов Российской Федерации может быть установлен иной предельный возраст пребывания в должности судьи этих судов (ст. 11 п. 1);

– срок полномочий и предельный возраст пребывания в должности судьи для судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации устанавливаются законами соответствующих субъектов Российской Федерации (ст. 11 п. 4);

– судьям конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и мировым судьям удостоверения судьи подписываются и выдаются в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации (ст. 21 п. 3) [1, с. 141-165].

Федеральным законом от 14 марта 2002 года «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» предусмотрено, что делегаты на Всероссийский съезд судей избираются по следующим нормам представительства:

– от судей каждого конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации – по одному судье (ст. 6 п. 2);

– в Совете судей Российской Федерации устанавливаются следующие нормы представительства: от судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации – три судьи (ст. 8);

– советы судей субъектов Российской Федерации избираются конференциями судей с учетом представительства в них судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (ст. 8 п. 4);

– квалификационная коллегия судей субъектов Российской Федерации формируется по следующим нормам представительства: от судей конституционного (уставного) суда субъектов Российской Федерации – один судья (ст. 11 п. 4);

– квалификационная коллегия судей субъектов Российской Федерации в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, в отношении судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (ст. 19 п. 1) [1, с. 207-226].

Указанными выше федеральными законами конституционные (уставные) суды и судьи этих судов встроены в судебную систему страны и судейское сообщество судей Российской Федерации.

Федеральный закон от 06 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» закрепил, что судьи конституционного (уставного) суда назначаются законодательными органами власти субъектов Российской Федерации [2].

По Указу Президента РФ от 04 декабря 2009 г. должности председателя, заместителя председателя, судьи конституционного (уставного) суда входят в перечень государственных должностей субъекта Российской Федерации [3].

Далее в статье затрагиваются особенности формирования Земельного конституционного суда федеральных земель Берлин и Шлезвиг-Гольштейн. Как показывает анализ научной литературы, изыскания по данной тематике проводились более пятнадцати лет назад, в этой связи целью исследования является освещение актуального статуса конституционного правосудия в указанных федеральных землях, т.к. конституционные суды в этих землях появились в 90-2000 гг. В эти же годы в Российской Федерации начали формироваться первые конституционные суды в республиках. В отличие от других стран, судебная система ФРГ характеризуется отсутствием общего высшего суда, который бы охватывал все направления правосудия. Единство судебной практики обеспечивает совместный сенат судов основных направлений правосудия.

Следует подчеркнуть, что разделение компетенции между ФКС (Федеральным конституционным судом) и конституционными судами земель основано на том, что ФКС контролирует

ет соблюдение Основного закона, а земельные – конституций земель. Нормативно-правовой базой для отправления правосудия выступает Основной закон ФРГ 1949 г. с последними изменениями от 23.12.2014 г., а также Закон о Федеральном Конституционном Суде ФРГ от 12.03.1951 г., конституции федеральных земель и законы о земельных конституционных судах, где конкретизируются требования к составу судов, порядку их формирования, полномочиям судей и пр.

Экс-судья земли Бранденбург Р. Вилль отмечает, что «развитие конституционного правосудия в различных регионах ФРГ тесно связано с их конституционной историей, и на этом основании конституции и суды земель можно разделить на три группы. Первую группу составляют земли, конституции которых вступили в силу до принятия Основного закона ФРГ (1949), а конституционные суды возникли соответственно ранее Федерального конституционного суда (1951). Они стали образцами для федерального законодательства и государственного строительства. В эту группу входят следующие земли: Бавария, Гессен, Рейнланд-Пфальц и Бремен. Во вторую группу входят земли, которые приняли свои конституции и учредили конституционные суды после вступления в силу Основного закона, но до объединения Германии. Они ориентируются на Основной закон и Федеральный конституционный суд. К этим землям относятся: Северный Рейн-Вестфалия, Гамбург, Баден-Вюртемберг, Саар, Шлезвиг-Гольштейн и Нижняя Саксония. Третью группу составляют «новые» федеральные земли: Бранденбург, Саксония, Саксония-Анхальт, Мекленбург-Передняя Померания, Тюрингия и Берлин. Они приняли свои конституции и создали конституционные суды уже после объединения Германии на основе более чем сорокалетнего конституционного опыта страны» [4, с. 133-134].

В федеральной земле Берлин еще в 1950 г. ст. 72 Земельной конституции предусматривалось формирование Земельного конституционного суда (ЗКС), но ввиду особого политического статуса земли в разделенной на сектора послевоенной Германии данный орган конституционного судебного контроля появился только четыре десятилетия спустя. 23 ноября 1995 г. была принята Конституция земли Берлин, а 08 ноября 1990 г. – Закон о Конституционном суде земли. В 1992 г. в ландтаге прошли первые выборы судей конституционного суда федеральной земли Берлин.

Последней землей, в которой был образован конституционный суд, стал Шлезвиг-Гольштейн. До учреждения земельного органа конституционного судебного контроля в соответствии со ст. 99 Основного закона ФРГ и ст. 44 Конституции земли Шлезвиг-Гольштейн от 1990 г. полномочия конституционного суда земли были возложены на ФКС. В 2006 г. в ст. 44 конституции федеральной земли были внесены изменения, а с 1 сентября 2008 г. конституционный суд Шлезвиг-Гольштейна функционирует в полном объеме. Учреждение данного органа конституционного контроля предвосхитили долгие дискуссии. «Вопрос об учреждении собственного органа конституционного контроля в Шлезвиг-Гольштейне стал предметом обсуждения на парламентских дебатах, состоявшихся 10 июня 1997 г. Собственный конституционный суд укрепил бы земельную автономию. Кроме того, это могло бы расширить предметную близость к специфическим шлезвиг-гольштейнским национальным спорам, а также по спорам о проведении народной инициативы, народного опроса и референдума, введенных конституционной реформой 1990 г. Однако оппозиция высказывалась против этого проекта, указывая, с одной стороны, на напряженное положение бюджета, а с другой – на незначительное количество национальных споров в Шлезвиг-Гольштейне, которые разрешает Федеральный Конституционный Суд.» [5, с. 30].

Важно отметить, что конституционные суды работают не на постоянной основе, техническое обеспечение их деятельности осуществляется аппаратами других судов, а судьи осуществляют свою деятельность по совместительству. В Берлине функции председателя земельного конституционного суда одновременно выполняет председатель земельного суда по социальным вопросам, вице-президент является судьей федерального административного суда. В Шлезвиг-Гольштейне должность президента конституционного суда занимает президент окружного суда, его заместитель – президент высшего административного суда земли. ЗКС

Шлезвиг-Гольштейна осуществляет свою деятельность в здании Высшего административного суда земли, соответственно дела ЗКС ведутся канцелярией Высшего административного суда земли. Кроме того, члены ЗКС могут пользоваться канцеляриями всех судов земли. Здание Высшего земельного суда Берлина одновременно используется земельным конституционным судом.

Правовой основой для отправления правосудия ЗКС служат земельные конституции, законы о земельных конституционных судах. Благодаря немецкому интернет-порталу правовой информации «Juris» представилось возможным ознакомиться с полным текстом Земельной конституции Шлезвиг-Гольштейн. Так, п. 1 ст. 51 гласит об учреждении Земельного конституционного суда, в п. 2 выделен круг полномочий ЗКС. Пункт 3 посвящен составу суда, далее п. 4 оговаривает то, что судьи не могут быть членами Бундестага, Бундесрата, Федерального правительства или соответствующих государственных органов земли и осуществляют свою деятельность на общественных началах. Заключительный пятый пункт указанной статьи делает отсылку к закону о ЗКС, который определяет, в каких случаях решения ЗКС имеют законную силу [6].

ЗКС решает дела, касающиеся исключительно конституционных споров. Он не рассматривает судебные дела отдельных граждан, в частности, не выступает как высшая инстанция в процессах отраслевых судов. Шлезвиг-Гольштейнская земельная конституция не предусматривает, в отличие от некоторых других земельных конституций, общей конституционной жалобы, направляемой в Земельный конституционный суд. Тем не менее, для граждан федеральной земли неприкосновенным остается право подачи конституционной жалобы в Федеральный Конституционный Суд.

Полномочия ЗКС Шлезвиг-Гольштейна определены в Конституции федеральной земли (ст. 51), а также в Земельном законе о выборах и в Законе о референдуме. В полной мере все эти полномочия представлены в §3 Закона о ЗКС, согласно которому ЗКС принимает решения:

1) о толковании Конституции земли Шлезвиг-Гольштейн (Земельная конституция) по спорам об объеме прав и обязанностей ландтага, земельного правительства или других участников, которые наделены конституцией федеральной земли или регламентом ландтага собственными правами (ст. 51 п. 2 подп. 1 Земельной конституции);

2) при расхождении во мнениях или сомнениях относительно соответствия законов земли конституции федеральной земли по форме или по существу (ст. 51 п. 2 подп. 2 Земельной конституции);

3) о соответствии какого-либо земельного закона конституции федеральной земли, если суд решил приостановить разбирательство в соответствии со ст. 100 п. 1 Основного закона ФРГ;

4) по конституционным жалобам общин и объединений общин, в которых утверждается, что закон земли нарушает права на самоуправление согласно ст. 54 п. 1 и 2 Земельной конституции;

5) при оспаривании решений ландтага по делам о действительности выборов (ст. 51 п. 2 подп. 5 Земельной конституции), об утрате членства в ландтаге (§ 45 п. 1, § 49, Земельного закона о выборах), а также по делам о создании списка преемников (ст. 50 п. 3 Земельного закона о выборах)

6) о допустимости народной инициативы (§ 9 п. 1 Закона о референдуме) или народного опроса (статья 49 п. 1, 2 Основного закона страны) и об обжаловании решения ландтага о действительности голосования на референдуме (§ 25 п. 3 Закона о референдуме),

7) в прочих предусмотренных Земельной конституцией спорах [7].

Полномочия занимают центральное место в организации и деятельности земельных конституционных судов, поскольку именно они показывают реальный статус органа конституционного контроля в обществе, в системе органов государственной власти. Объем полномочий, возлагаемых на земельные конституционные суды, может варьироваться, но типичным для всех судов является принятие решения по спорам о компетенции между высшими органами государственной власти земель.

Согласно § 14 Закона о Земельном конституционном суде Берлина полномочия ЗКС состоят в том, чтобы решать дела:

1) о толковании Конституции федеральной земли Берлин в связи со спорами об объеме прав и обязанностей высшего органа земли или других сторон, наделенных своими собственными правами Конституцией Берлина или регламентом парламента;

2) при оспаривании действительности выборов в парламент и собрания представителей районов;

3) при оспаривании решений о приобретении и об утрате членства в парламенте или в собрании представителей районов;

4) в случае разногласий или сомнений относительно формального или фактического соответствия земельного законодательства конституции Берлина по инициативе Сената или четверти членов парламента;

5) в случаях, указанных в ст. 100 п. 1 Основного закона Федеративной Республики Германии о полномочиях земельных конституционных судов;

6) по конституционным жалобам, в том случае, когда конституционная жалоба не подается или не будет подана в Федеральный конституционный суд;

7) по материалам в соответствии со ст. 17 п. 6 и апелляциями в соответствии со ст. 41 Закона о голосовании;

8) (отменен);

9) в случае разногласий или сомнений относительно совместимости законодательно регулируемого разграничения сфер компетенции между главной администрацией и районами с Конституцией Берлина по инициативе района;

10) о жалобах на затягивание судебного разбирательства;

11) в иных случаях, предусмотренных законом [8].

Процедура избрания судей в Германии осуществляется исключительно парламентским путем. Правом избрания судей наделены парламенты земель (ландтаги): в Берлине и ганзейских городах Бремен, Гамбург они именуются «Bürgerschaft» (городское собрание), что по существу не меняет положения дел. Данные города имеют исторически сложившийся статус отдельных федеральных земель. Как высший орган государственной власти земельный конституционный суд (ЗКС) автономен и независим, обладает равным статусом с ландтагом и земельным правительством. По отношению к другим конституционными органами земли Берлин ЗКС должен гарантировать соблюдение норм конституции другими высшими органами государственной власти, однако рассматривать дела по собственной инициативе он не имеет права. Его решения распространяются на ландтаг и земельное правительство, а также на все суды и органы власти федеральной земли.

Квалификация и профессиональный опыт кандидатов должны соответствовать высоким требованиям. Все они должны иметь право занимать судебскую должность. Президент и трое судей-членов ЗКС Шлезвиг-Гольштейна должны быть профессиональными судьями. Ландтаг выбирает членов ЗКС и личного заместителя для каждого из судей на срок равный 6 годам. Тем не менее в результате первых выборов было избрано 4 судей ЗКС на срок 9 лет и 3 судей на срок 6 лет.

В Берлине Конституционный суд состоит из 9 членов: президента, вице-президента и семи судей, трое из которых являются профессиональными судьями, а трое следующих должны обладать правом, занимать судебскую должность. Члены конституционного суда избираются 2/3 голосов парламента.

Количественный состав судебского корпуса зависит от таких факторов, как объем работы, территория и плотность населения федеральной земли. Общее количество судей Конституционного суда Берлина – 9 человек, так же как в Саксонии, Гамбурге, Рейнланд-Пфальце, Нижней Саксонии, Баден-Вюртемберге, 7 судей составляют конституционные суды таких земель, как Шлезвиг-Гольштейн, Бремен, Мекленбург-Передняя Померания, Саксония-Анхальт, Северный Рейн-Вестфалия.

Сроки полномочий судей земельных конституционных судов, как правило, превышают сроки полномочий глав государств, депутатов парламента, что обеспечивает определенную стабильность конституционного строя. Установление сроков полномочий судей, предельного возраста пребывания в должности позволяет обновлять состав конституционного суда, делать его подвижным. Для преодоления кадрового «застоя» в конституционных судах существует также практика периодической ротации его состава на одну треть. Например, земельный конституционный суд Баден-Вюртемберга состоит из трех групп по трое судей в каждой. Первая группа, включающая в себя председателя суда и его заместителя, должна быть представлена профессиональными судьями, члены второй группы должны иметь право занимать судебную должность (например, адвокаты), к третьей группе указанные требования не предъявляются. Каждые три года в одной из групп обновляется один судья и его заместитель.

Нередко конституция или закон оговаривают невозможность (либо возможность) избрания судей на второй срок. Запрет на переизбрание конституционного судьи на новый срок является гарантией его независимости, по крайней мере, в отношении тех органов, которые участвуют в его назначении (избрании). В федеральной земле Берлин законодательно утвержден запрет на переизбрание членов конституционного суда. Тем не менее, переизбрание на второй срок возможно в большинстве земель ФРГ. Например, в Шлезвиг-Гольштейне судьи, избранные на шестилетний срок, могут быть переизбраны однократно.

Возрастной ценз, предъявляемый к судьям конституционных судов, не является единым для всех шестнадцати земель ФРГ. Для судей ФКС согласно § 4 ч. 1 Закона о Федеральном конституционном суде минимальный возрастной порог равен 40 годам [9]. Например, в самой большой по территории федеральной земле Баварии, а также в северном Шлезвиг-Гольштейне он также составляет 40 лет. В Берлине, Бранденбурге и Сааре установлена возрастная планка соответствующая 35 годам. Предельный возраст пребывания в должности судьи не должен превышать 68 лет.

В п. 3 параграфа 1 ч. 1 Закона о ЗКС Берлина закреплён принцип гендерного равноправия, т. е. в состав земельного конституционного суда должно входить не менее трех представителей одного пола [8].

По результатам сравнительного исследования возникают вопросы: что общего между конституционным правосудием в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия?

Во-первых, сразу обращаем внимание на то, что в Основном законе Германии (ст. 100) прямо указаны некоторые полномочия конституционного суда ФРГ (Федеральный конституционный суд) и конституционных судов федеральных земель. Из этого приходим к выводу, что конституционное судопроизводство – обязательный атрибут в стране и в федеральной земле. По ст. 99 Основного закона ФРГ, если федеральная земля пока не создала свой конституционный суд, то она своим законом может возложить решение спора по конституционному праву в пределах федеральной земли на Федеральный конституционный суд. В Конституции РФ нет упоминания о конституционных (уставных) судах в субъектах Российской Федерации, а в ФКЗ «О судебной системе в РФ» говорится лишь о возможности создания конституционного (уставного) суда в субъекте РФ.

Во-вторых, судьи конституционного суда в землях ФРГ работают на непостоянной основе. Часть судей конституционного суда федеральной земли могут одновременно быть судьями других судов земли, вторая часть судей – это лица, обладающие правом занимать судебную должность, например, адвокаты и преподаватели вузов, третья часть – лица, к которым не предъявляются требования быть судьями и обладать правом, занимать судебную должность.

В-третьих, в некоторых землях ФРГ законодательно закреплён принцип гендерного равенства: в состав конституционного суда федеральной земли должно входить не менее трех представителей одного пола.

В-четвертых, техническое обеспечение деятельности конституционных судов земель в Германии осуществляется аппаратами других судов. В России же не представляется возможным участие судей судов общей юрисдикции, арбитражных судов в рассмотрении дел в кон-

ституционных (уставных) судах субъектов РФ в силу перегруженности. В своем выступлении на 9 съезде судей РФ в декабре 2016 года президент России В.В. Путин отметил как риск чрезмерную нагрузку на судей, которая может повлечь судебные ошибки. «Иногда невозможно тащить огромный объем работы, и это, безусловно, сказывается на качестве судебных актов», – пояснил он. Но в конечном итоге опасность может быть серьезней: такие ошибки приводят к нарушению прав граждан, интересов государства [10, с. 2].

В-пятых, в отдельных конституционных судах земель ФРГ, один судья или ответственный работник аппарата суда работают на постоянной основе, например, в Баварии на постоянной основе исполняет свои полномочия генеральный секретарь суда. Когда поступает конституционная жалоба, он информирует судей, назначает заседание суда. При этом оплата судьям идет за проработанное на период рассмотрения дела время.

В-шестых, на примере изучения законов в конституционных судах земель Берлин и Шлезвиг-Гольштейн видно, что полномочия их судов гораздо шире и разнообразнее, доходит до 7-11 полномочий.

В.В. Кровельщикова вслед за В.А. Кряжковым указывает на то, что «двойной статус председателя и профессиональных судей – по существу ядра конституционного суда – выводит из-под его контроля соответствующие высшие и, отчасти, иные земельные суды, способен породить противоречия, когда, с одной стороны, судьи конституционных судов руководствуются нормами об этих судах, а с другой – должны подчиняться общему законодательству о судьях». По её мнению, это обусловило то, что «в России субъекты Федерации не восприняли немецкий опыт формирования конституционных (уставных) судов и технического обеспечения их деятельности аппаратами других судов» [11, с. 18].

Тем не менее немецкая система конституционного судебного контроля представляет интерес для конституционных (уставных) судов Российской Федерации, поскольку процесс формирования судебных органов субъектов РФ еще не закончен. Все земли ФРГ имеют четко проработанную нормативно-правовую базу в виде земельных конституций, законов о конституционных судах. В данных НПА регламентируется порядок формирования органов судебного контроля. Вопрос о том, в какой степени модель немецкого конституционного правосудия может быть ассимилирована в российских условиях, остается открытым.

Недавно судья Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Жилин поддержал предложения о необходимости принятия специального федерального закона, целостно определяющего правовые основы организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, в котором были бы аккумулированы, в том числе соответствующие правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации. В таком законе могли бы быть предусмотрены и нормы, направленные на оптимизацию условий по созданию в регионах органов конституционной судебной юрисдикции.

В частности, Закон о судебной системе и Закон о статусе судей, положения об осуществлении судьями правосудия и исполнения ими своих обязанностей на профессиональной основе распространяются и на судей конституционных (уставных) судов, не предоставляя права субъектам Российской Федерации отступать от этих универсальных правил в зависимости от специфики регионов. В то же время федеральный законодатель мог бы предусмотреть как исключение из общих правил возможность функционирования в регионах конституционных (уставных) судов, состоящих полностью или частично из судей, выполняющих свои обязанности на непрофессиональной основе. Такое регулирование, предусматривающее возможность введения дополнительной формы участия граждан в отправлении правосудия (наряду с присяжными и арбитражными заседателями), способствовало бы и реализации соответствующего положения ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации [12, с. 14]. Мы полностью согласны с предложениями известного российского ученого, активно поддерживающего на протяжении многих лет конституционную юстицию в субъектах Российской Федерации.

Литература

1. Сборник нормативных актов о суде и статусе судей РФ. Выпуск 4, книга 1. Совет судей РФ. – М., 2008.
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения 11.10.2017).
3. Указ Президента РФ от 4 декабря 2009 г. N 1381 «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/196733/> (дата обращения 11.10.2017).
4. Вилль Р. Политические права и свободные выборы: сборник докладов. – М.: Институт права и публичной политики, 2005. – 288 с.
5. Кровельщикова В.В. Конституционный контроль в Шлезвиг-Гольштейне (ФРГ) // Государственная власть и местное самоуправление. – 2006. – № 9. – С. 29-31.
6. Конституция федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн. URL: <http://www.gesetze-rechtsprechung.sh.juris.de/jportal/?quelle=jlink&query=Verf+SH&psml=bssshoprod.psml&max=true&aiz=true> (дата обращения 24 сентября 2017).
7. Закон о Земельном конституционном суде Шлезвиг-Гольштейна. URL: <http://www.gesetze-rechtsprechung.sh.juris.de/jportal/portal/t/rre/page/bssshoprod.psml?doc.hl=1&doc.id=jlr-VerfGGSHrahmen%3Ajuris-lr00&showdoccase=1&documentnumber=1&numberofresults=70&doc.part=X&doc.price=0.0¶mfromHL=true#jlr-VerfGGSHrahmen> (дата обращения 24 сентября 2017).
8. Закон о Земельном конституционном суде земли Берлин. URL: http://gesetze.berlin.de/jportal/portal/t/leg/page/bsbeprod.psml;jsessionid=13D1717F5933652F6324323292476BA9.jp14?pid=Dokumentanzzeige&showdoccase=1&js_peid=Trefferliste&documentnumber=1&numberofresults=75&fromdoctodoc=yes&doc.id=jlr-VerfGHGBErahmen&doc.part=X&doc.price=0.0&doc.hl=1#jlr-VerfGHGBEV8P2 (дата обращения 24 сентября 2017).
9. Закон о Федеральном конституционном суде ФРГ. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bverfgg/BJNR002430951.html> (дата обращения 18 сентября 2017).
10. Замахина Т. Защитить закон и гражданина // Российская Газета. – Вып. 277 (07.12.2016). – С. 2.
11. Кровельщикова В. В. Конституционные суды земель Германии: дисс. ... к. юр. наук. – Томск, 2004. – 189 с.
12. Жилин Г.А. Конституционное судопроизводство в субъектах Российской Федерации: некоторые проблемы становления и развития // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 1. – С. 12-14.

References

1. Sbornik normativnyh aktov o sude i statuse sudej RF. Vypusk 4, kniga 1. SovetsudejRF. – М. – 2008.
2. Federal'nyjzakon «Ob obshhih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub#ektov Rossijskoj Federacii» ot 06.10.1999 N 184-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (data obrashhenija 11.10.2017).
3. Ukaz Prezidenta RF ot 4 dekabrja 2009 g. N 1381 «O tipovyh gosudarstvennyh dolzhnostjah sub#ektov Rossijskoj Federacii». URL: <http://base.garant.ru/196733/> (data obrashhenija 11.10.2017).
4. Vill' R. Politicheskie prava i svobodnye vybory: sbornik dokladov. – М.: Institut prava i publichnoj politiki, 2005. – 288 s.
5. Krovel'shhikova V.V. Konstitucionnyj kontrol' v Shlezvzig-Gol'shtejne (FRG) // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. – № 9. – 2006. S. 29-31.
6. Konstitucija federal'noj zemli Shlezvzig-Gol'shtejn. URL: <http://www.gesetze-rechtsprechung.sh.juris.de/jportal/?quelle=jlink&query=Verf+SH&psml=bssshoprod.psml&max=true&aiz=true> (data obrashhenija 24 sentjabrja 2017).
7. Zakon o Zemel'nom konstitucionnom sude Shlezvzig-Gol'shtejna. URL: <http://www.gesetze-rechtsprechung.sh.juris.de/jportal/portal/t/rre/page/bssshoprod.psml?doc.hl=1&doc.id=jlr-VerfGGSHrahmen%3Ajuris-lr00&showdoccase=1&documentnumber=1&numberofresults=70&doc.part=X&doc.price=0.0¶mfromHL=true#jlr-VerfGGSHrahmen> (data obrashhenija 24 sentjabrja 2017).
8. Zakon o Zemel'nom konstitucionnom sude Berlina URL: http://gesetze.berlin.de/jportal/portal/t/leg/page/bsbeprod.psml;jsessionid=13D1717F5933652F6324323292476BA9.jp14?pid=Dokumentanzzeige&showdoccase=1&js_peid=Trefferliste&documentnumber=1&numberofresults=75&fromdoctodoc=yes&doc.id=jlr-

VerfGHGBErahmen&doc.part=X&doc.price =0.0&doc.hl=1#jlr-VerfGHGBEV8P2 (data obrashhenija 24 sentjabrja 2017).

9. Zakon o Federal'nom konstitucionnom sude FRG. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bverfgg/BJNR002430951.html> (data obrashhenija 18 sentjabrja 2017).

10. Zamahina T. Zashhit' zakon i grazhdanina // Rossijskaja Gazeta. Vyp. 277 (07.12.2016). S. 2

11. Krovel'shhikova V. V. Konstitucionnye sud y zemel' Germanii: diss. ... k. jur. nauk / V. V. Krovel'shhikova; Tomskij gosudarstvennyj universitet. – Tomsk, 2004. – 189 s.

12. Zhilin G. A. Konstitucionnoe sudoproizvodstvo v sub#ektah Rossijskoj Federacii: nekotorye problemy stanovlenija i razvitija // Zhurnal konstitucionnogo pravosudija. – 2014. – № 1. S. 12-14.

Региональная конституционная юстиция как фактор развития и совершенствования современного российского федерализма

Аннотация. Рассматривается деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в контексте развития федеративных отношений на современном этапе. Создание в субъектах Российской Федерации конституционных (уставных) судов явилось позитивным вкладом в укрепление новой российской государственности и демократического конституционного строя Российской Федерации как правового и федеративного государства. Зарубежный опыт судебного строительства показывает, что конкретные модели организации судебных систем предопределяются совокупностью различных факторов и в первую очередь формой государственного устройства. Конституционно-правовое развитие федеративных отношений предполагает необходимость функционирования не только федерального конституционного суда, но и региональных органов конституционного правосудия как необходимого условия реализации права гражданина на справедливую, компетентную и эффективную судебную защиту его прав и свобод от незаконных решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц. Предлагается разрешить проблему эффективности современного российского судебного федерализма путем законодательного закрепления на федеральном уровне правил учреждения и функционирования органов региональной конституционной юстиции.

Ключевые слова: конституционные (уставные) суды, конституционное правосудие, конституционное судопроизводство, судебный федерализм, развитие федеративных отношений.

A.N. Kim-Kimen

Regional Constitutional Justice as a Factor in the Development and Improvement of Modern Russian Federalism

Abstract. The article considers the activity of constitutional (statutory) courts of the Russian Federation in the context of the development of Federal relations at the present stage. The establishment of constitutional (statutory) courts in the constituent entities of the Russian Federation was a positive contribution to strengthening the new Russian statehood and the democratic constitutional system of the Russian Federation as a legal and Federal state. Foreign experience of judicial construction shows that specific models of the organization of judicial systems are predetermined by a set of various factors, and, first of all, by the form of the state structure. The constitutional and legal development of Federal relations implies the need for the functioning not only of the Federal constitutional court, but also of regional bodies of constitutional justice as a necessary condition for the realization of the citizen's right to a fair, competent and effective judicial protection of his rights and freedoms from illegal decisions and actions (inaction) of state bodies, local self-government bodies and officials. It is proposed to solve the problem of efficiency of modern Russian judicial federalism by legislative consolidation at the Federal level of the rules of establishment and functioning of regional constitutional justice.

Keywords: constitutional (statutory) courts; constitutional justice; constitutional proceedings; judicial federalism; development of Federal relations.

Современный качественно новый период реформирования российской государственности в соответствии с общемировой тенденцией цивилизованного прогрессивного общественного развития в направлении учреждения и укрепления институтов свободного гражданского об-

КИМ-КИМЭН Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, председатель Конституционного суда Республики Саха (Якутия), заслуженный юрист РФ.

KIM-KIMEN Aleksandr Nikolaevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chairman of the Constitutional Court of the Sakha Republic (Yakutia), Honored Lawyer of the RF.

щества, рыночной экономики, построения правового государства, демократизации российского общества явился причиной формирования и функционирования в Российской Федерации конституционного правосудия, осуществляемого судебными органами конституционного контроля: на федеральном уровне – Конституционным Судом Российской Федерации, на уровне регионального правового регулирования – конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации.

Конституционные основы реализации судебного конституционного контроля в субъектах Российской Федерации содержатся в положениях Конституции Российской Федерации, которые характеризуют государство как демократическое, федеративное и правовое. Учреждение региональной конституционной юстиции предусмотрено существующей конституционной моделью российского федерализма, предусматривающей политико-правовую самостоятельность субъектов Конституцией Российской Федерации в вопросах формирования собственной системы законодательства, организации и деятельности своих органов государственной власти, в том числе судебных, в соответствии с федеральными законоположениями регулирующими конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации.

Предписания Конституции Российской Федерации, закрепляющие принципы федеративного устройства, наделяют субъекты Российской Федерации конституционным правомочием иметь собственное законодательство, предоставляют субъектам Российской Федерации формально-легальные основания самостоятельно осуществлять конституционный контроль региональных нормативно-правовых установлений посредством учреждения собственных специализированных государственных органов конституционной юстиции.

Создание в субъектах Российской Федерации конституционных (уставных) судов явилось их позитивным вкладом в укрепление новой российской государственности и демократического конституционного строя Российской Федерации как правового и федеративного государства. Конституционные (уставные) суды возникли из реальной необходимости авторитетного и эффективного конституционного контроля за деятельностью региональных органов государственной власти и местного самоуправления в целях признания и соблюдения ими конституционных норм, защиты основных прав и свобод человека и гражданина. Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации, являясь правовой формой судебной защиты конституционных положений основных законов российских регионов, призвана обеспечить их непосредственную реализацию в региональном нормотворчестве, существование конституционной законности в праворегулятивной и правоприменительной деятельности, а также гарантии доступности конституционного правосудия для граждан и их объединений.

Федеральными нормами не исчерпывается необходимый и возможный объем регулирования статуса конституционных (уставных) судов, некоторые элементы которого, не получившие отражения в федеральных законоположениях, закреплены законодательством субъектов Российской Федерации. Комплексный подход федерального законодателя к определению правового положения данных судов, обуславливает необходимость формулирования более детальных правил их организации и деятельности в законодательстве субъектов Российской Федерации, которое, обеспечивая корреляцию федеральной и региональной нормативно-правовой базы в сфере конституционного правосудия, развивая и конкретизируя федеральные законоположения образует существенный компонент статуса данных судов.

Федеративная форма устройства государственной власти предполагает дуалистичную правовую природу региональной конституционной юстиции. Конституционные (уставные) суды, с одной стороны, как судебные органы, разрешающие публично-правовые конфликты в форме конституционно-правового судебного процесса, являются составной частью общенациональной судебной системы, а с другой стороны, эти суды – самостоятельные и независимые высшие органы государственной власти субъектов Федерации, постановляющие государственно-обязательные решения именем соответствующего субъекта Российской Федерации.

На наш взгляд, в условиях федеративного государства, в котором реализуется конституционный принцип разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными

органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации, деятельности одних только федеральных органов государственной власти недостаточно для того, чтобы обеспечить существование конституционной законности и единого правового пространства на всей территории государства.

Таким образом, федеративное устройство Российского государства обуславливает наделение субъектов Российской Федерации правом законодательствовать в пределах их конституционной компетенции, следовательно, самостоятельно осуществлять конституционный контроль на уровне регионального регулирования посредством учреждения органов конституционного правосудия, призванных своей деятельностью не допустить нарушений конституционной законности в субъектах Российской Федерации.

Сегодня можно с уверенностью констатировать существование прямой взаимосвязи между формой государственного устройства и наличием органов регионального конституционного контроля. Сам факт федеративной организации государственной власти влечет за собой объективную потребность существования региональной конституционной юстиции. В федеративных государствах причинами возникновения регионального судебного конституционного контроля являются потребности рационализации и гармонизации федеративных связей. Именно по этой причине судебный конституционный контроль возникает прежде всего в федеративных государствах, где наряду с общенациональным органом конституционного контроля аналогичные органы созданы в субъектах федерации.

Анализ зарубежного опыта судебного строительства показывает, что конкретные модели организации судебных систем предопределяются совокупностью различных факторов, но в первую очередь формой государственного устройства. Так, в федеративном государстве, в отличие от унитарного, на деятельность судебной власти и организацию судебной системы оказывает существенное влияние более сложный характер государственного устройства. Если унитарные государства, как правило, имеют единую систему судов, то в федерациях наличествуют отдельные системы федеральных судов и судов субъектов федерации.

Из всех федераций, где действует европейская модель конституционного правосудия, наибольший интерес представляет Федеративная Республика Германия, с которой современный российский судебный федерализм имеет наиболее схожие черты. Органы конституционного правосудия сформированы во всех землях Германии, за исключением одной (Шлезвиг-Гольштейн), которая как небольшая по размерам территории и численности населения не имеет достаточных средств для соответствующих расходов. Кроме того, до 1990 г. здесь не было собственной конституции, а действовал Устав земли. Функции конституционного контроля в этом субъекте возложены земельной Конституцией на Федеральный конституционный суд. В настоящее время, помимо Федерального конституционного суда, в Федеративной Республике Германия функционируют 15 земельных конституционных судов, которые входят в федеральную судебную систему. Примечательно, что в истории Германии, а именно в 60-70-е годы прошлого века, так же как и в современной России, был период, когда конституционные суды земель называли «излишней роскошью». Имела место и тенденция их трансформации в инстанции, практически полностью подчиненные влиянию федеральных судов. Тем не менее данная ситуация была преодолена; после воссоединения Германии в конце XX в. произошло расширение полномочий конституционных судов земель и повысился их авторитет в обществе и государстве.

Конституционно-правовое развитие федеративных отношений предполагает необходимость функционирования не только федерального конституционного суда, но и региональных органов конституционного правосудия как необходимого условия реализации права гражданина на справедливую, компетентную и эффективную судебную защиту его прав и свобод от незаконных решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц. Создание и функционирование в конце XX в. конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации было призвано повысить эффективность механизма судебной защиты конституционных прав и свобод человека и гражда-

нина на уровне регионального правового регулирования. Однако на современном этапе процесс становления данных судов замедлился. В качестве негативных фактов следует отметить упразднение (Челябинская область, 2014 г.) или попытки упразднения (Республика Бурятия, 2014–2016 гг.) этих судов; отмена законов об этих судах, что означает фактический отказ от их создания (Самарская область, 2014 г.); воспрепятствование созданию конституционного (уставного) суда даже при наличии необходимой правовой и материальной базы (Иркутская область); не востребованность данных судов в новых субъектах Российской Федерации (Республика Крым, город Севастополь). Данные факты позволяют сделать вывод о непонимании во многих регионах ценности конституционного правосудия, его предназначения и значимости функционирования, чему способствует и подчеркнута нейтральная позиция федеральных органов власти по вопросу о создании конституционных (уставных) судов. Так, например, законопроект о статусе конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, инициированный парламентом Республики Северная Осетия-Алания и поддержанный законодателями многих российских регионов, в том числе Государственным Собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), не получил должную поддержку в ответственном комитете Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и был отклонен.

Представляется возможным отметить, что хотя федерализм и не определяет саму природу и сущность судебной власти, но, тем не менее, обуславливает ее территориальную организацию и внутрисистемные отношения. В свое время Г. Кельзен указывал на то, что существует закономерность, в соответствии с которой идея федерализма дает мощный импульс развитию конституционного правосудия. По его мнению, и то и другое явление (федерализм в системе «вертикального», а конституционное правосудие – в системе «горизонтального» разделения властей) следует считать существенным элементом конституционного строя, основанного на разделении властей, противодействующих чрезмерной концентрации государственной власти [цит. по 1].

Современная модель российского федерализма предполагает организацию судебной системы обусловленную влиянием феномена, который в научной литературе получил определение «судебный федерализм», понимаемое как система юрисдикционных, процессуальных и организационных правил такого режима устройства судебной власти, с помощью которых обеспечивается приспособление института судебной власти к федеративному характеру государственно-правовых отношений. Институт судебного федерализма характеризуется как особенность организации судебной власти в федеративном государстве, вытекающая из сочетания конституционных принципов федеративного государственного устройства. Признаки судебного федерализма заключаются в требованиях государственной целостности и закреплении основ судебной системы на общегосударственном уровне и единых правилах судопроизводства, а также наличием двухуровневой системы судебных органов, конституционным разграничением предметов ведения, применением судами не только федерального, но и регионального законодательства, формированием судебных органов государственными органами субъектов Федерации.

Судебный федерализм можно охарактеризовать как такую организацию системы судебных органов государства, которая основывается на правовых положениях, обеспечивающих механизм согласованного взаимодействия всех судов – элементов общегосударственной судебной системы, а также необходимую, то есть адекватную конституционно-правовому статусу субъекта федеративного государства степень самостоятельности судов субъектов Федерации.

Федерализм как принцип государственного устройства предопределяет разделение государственной власти во всех сферах реализации ее властных полномочий: законодательной, исполнительной и судебной не только на федеральном уровне, но и в субъектах Российской Федерации. Вместе с тем, в тех субъектах Российской Федерации, где отсутствуют судебные органы конституционного контроля, нет полноценной судебной власти, не реализуется принцип разделения властей как системы сдержек и противовесов.

Таким образом, процесс реализации федерализма как формы государственного устройства в сфере отправления правосудия требует создания в субъектах Российской Федерации конституционных (уставных) судов в целях построения правовой демократической государственности, базирующейся на конституционном принципе разделения государственной власти. Юридическое закрепление в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» единства судебной системы Российской Федерации, с выделением в ней конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, обеспечивает надлежащий баланс сочетания в сфере судоустройства конституционных принципов единства системы органов государственной власти и федеративного характера российского государства.

Сложившаяся в Российской Федерации конституционная система государственной власти предполагает существование федеральных судов и органов судебной власти субъектов Российской Федерации в качестве конституционных (уставных) судов как необходимого условия существования судебного федерализма и последовательной реализации принципов федерализма как одного из основ отечественного конституционного строя.

В федеральных нормах заложен рациональный фундамент законодательного регулирования статуса конституционных (уставных) судов. В частности, федеральным законодательством созданы правовые основы осуществления конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации, определена организационная форма функционирования региональной конституционной юстиции, установлены основополагающие принципы формирования и функционирования региональных органов конституционного правосудия, закреплены основные элементы их правового статуса.

Однако с начала XXI в. по настоящее время имеет место инертное уклонение субъектов Российской Федерации от предоставленного им федеральным законодательством права самостоятельно учреждать конституционные (уставные) суды.

Следует отметить, что отсутствие политического решения проблемы повсеместного образования конституционных (уставных) судов не лучшим образом сказывается на организационно-правовых аспектах реализации конституций (уставов). Например, при отсутствии конституционных (уставных) судов толкование конституционных положений и разрешение споров о компетенции не могут быть реализованы вообще или реализуются органами, которым данные полномочия не свойственны.

Известный конституционалист Н.В. Витрук писал: «Достаточно указать и на то, что в более половины субъектов Российской Федерации, в их конституциях и уставах предусмотрено создание конституционных и уставных судов, а во многих из них приняты соответствующие законы, но они в силу сопротивления правящих региональных элит упорно не учреждаются. Тем самым цинично игнорируется воля народа, а федеральная власть безучастна к этой тенденции. В многочисленных научных исследованиях убедительно обосновываются насущная необходимость и конституционно-правовая обязательность создания конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации в целях создания единого конституционного пространства. К сожалению, власть глуха к подобного рода научным изысканиям и предложениям» [2].

Итак, в числе принципиально важных для становления и развития системы судебного конституционного контроля норм следует назвать положения о единстве системы государственной власти, основанные на разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами (ч. 3 ст. 5), установлении перечня предметов совместного и исключительного ведения (ст. ст. 72, 73), а также о самостоятельном построении субъектами Российской Федерации системы органов государственной власти в соответствии с основами конституционного строя (ч. 1 ст. 77). Однако данные требования Конституции Российской Федерации полностью не воплощены сегодня на практике, так как не во всех субъектах Российской Федерации, которые самостоятельно решают вопрос о создании собственных конституционных (уставных) судов, в настоящее время созданы и функционируют органы судебного конституционного контроля.

Одним из возможных путей законодательного оформления системы региональных органов конституционного правосудия является внесение изменений и дополнений в действующее федеральное законодательство, а именно в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», который органично развивая и конкретизируя положение ч. 1 ст. 77 Конституции Российской Федерации, содержит потенциальные резервы, предоставляющие возможность федеральному законодателю урегулировать процесс создания конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации. В соответствии с этой целью представляется целесообразным путем внесения соответствующих изменений и дополнений в настоящий Федеральный закон, изменив его наименование, разрешить существующую проблему эффективности современного российского судебного федерализма путем законодательного закрепления на федеральном уровне правил учреждения и функционирования региональной конституционной юстиции.

Литература

1. Сторожев А.Н. Модели конституционной юстиции // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 9. – С. 118-125.
2. Витрук Н.В. К вопросу о «живом конституционализме» в контексте соотношения Конституции и политики // Конституционное право и политика: Сб. материалов междунар. науч. конф. Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 г. / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. – М., 2012.
3. Авакьян С.А. и др. Современные проблемы организации публичной власти. – М.: Юстицинформ, 2014.
4. Кокотов А.Н. Конституционное право России: учебник. – 10-е изд., перераб. и доп. – М., 2011.
5. Умнова И.А., Алешкова И.А., Андриченко Л.В. Конституционное право Российской Федерации. В 2 т. – М.: Издательство «Юрайт», 2015.
6. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Отв. ред. Б.А. Страшун. – М.: Проспект, 2014.
7. Организация государственной власти в России и зарубежных странах / Отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2014.

References

1. Storozhev A.N. Modeli konstitutsionnoj yustitsii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2013. – № 9. – S. 118-125.
2. Vitruk N.V. K voprosu o «zhivom konstitutsionalizme» v kontekste sootnosheniya Konstitutsii i politiki // Konstitutsionnoe pravo i politika: Sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. YUridicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 28-30 marta 2012 g. / S.A. Avak'yan, D.S. Agapov, N.I. Akuev i dr.; отв. red. S.A. Avak'yan. – M., 2012.
3. Avak'yan S.A. i dr. Sovremennye problemy organizatsii publichnoj vlasti. – M.: YUstitsinform, 2014.
4. Kokotov A.N. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik. – 10-e izd., pererab. i dop. – M., 2011.
5. Umnova I.A., Aleshkova I.A., Andrichenko L.V. Konstitutsionnoe pravo Rossijskoj Federatsii. V 2 t. – M.: Izdatel'stvo «YUrajt», 2015.
6. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran / Otv. red. B.A. Strashun. – M.: Prospekt, 2014.
7. Organizatsiya gosudarstvennoj vlasti v Rossii i zarubezhnykh stranakh / Otv. red. S.A. Avak'yan. – M.: YUstitsinform, 2014.

Защита конституционных прав граждан в гражданском процессе

Аннотация. Реализация основополагающих конституционных принципов в правовом государстве является неотъемлемым гарантом соблюдения прав, личной свободы граждан. Суд играет ключевую роль в создании условий для реализации гражданами своих конституционных прав и свобод, исходя из принципов равноправия и справедливости. В статье приводится пример судебной защиты прав граждан на приватизацию, изложенной в правовой позиции Конституционного суда Республики Саха (Якутия). Правовая позиция Конституционного суда имеет свое влияние на правоприменительную практику в той мере, в которой определяет конституционно-правовой смысл тех или иных применяемых правовых норм.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, права и свободы человека, правосудие, суды общей юрисдикции, Конституционный суд Республики Саха (Якутия), Гражданский кодекс Российской Федерации, законодательство, защита прав, приватизация, решение суда.

A.N. Sedalishchev

Protection of Constitutional Rights of Citizens in Civil Process

Abstract. Realization of the fundamental, constitutional principles in the constitutional state is the integral guarantor of respect for the rights, personal liberty of citizens. The court plays a key role in creation of conditions for realization by citizens of the constitutional rights and freedoms, proceeding from the principles of equality and justice. The article provides an example of the judicial protection of the rights of citizens for privatization stated in a legal position of the Constitutional Court of the Sakha Republic (Yakutia). The legal position of the Constitutional Court has the influence on law-enforcement practice in that measure in which it defines constitutional and legal sense of these or those applied precepts of law.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, rights and freedoms of individuals, justice, Courts of Law, Constitutional Court of the Sakha Republic (Yakutia), Civil Code of the Russian Federation, legislation, protection of the rights, privatization, court's judgment.

Согласно положениям статьи 2, статьи 46 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

Судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом правовом государстве. Исполняя роль общественного арбитра, она защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности [1].

Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства [2].

СЕДАЛИЩЕВ Александр Николаевич – заместитель Председателя Верховного суда Республики Саха (Якутия) по гражданским делам, исполняющий обязанности Председателя Верховного Суда Республики Саха (Якутия).

SEDALISHCHEV Aleksandr Nikolaevich – Deputy Chairman of the Supreme Court of the Sakha Republic (Yakutia) on civil cases, Acting Chairman of the Supreme Court of the Sakha Republic (Yakutia).

При этом единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается среди прочего также путем применения всеми судами не только федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, а также Конституции Российской Федерации, конституций (уставов) и других законов субъектов Российской Федерации [3].

В целях единообразного применения судами конституционных норм при осуществлении правосудия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 31.10.1995 принято Постановление №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», в пункте 1 которого указано, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Суды обязаны обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина путем своевременного и правильного рассмотрения дел [3].

Принципы деятельности судов общей юрисдикции, такие как равенство перед судом, независимость судебной власти, открытость судебного разбирательства, очное рассмотрение дел, состязательность и равноправие сторон, обязательность судебных актов на всей территории Российской Федерации, являются гарантией защиты конституционных прав граждан [4].

Необходимо отметить, что с каждым годом увеличивается обращения граждан в суды за защитой своих прав и законных интересов. Увеличение количества рассматриваемых дел судами общей юрисдикции подтверждает рост правосознания граждан, их доверие судебной системе, судебный способ защиты прав и законных интересов выбирается гражданами как наиболее действенный, а порой единственный способ защиты их прав. Если в 2009 году в целом по Республике Саха (Якутия) судами общей юрисдикции рассмотрено 20 746 гражданских дел, то в 2016 году по Республике Саха (Якутия) судами общей юрисдикции рассмотрено уже 35 745 гражданских дел, что выше на 43 %. Введение в рамках судебной реформы с 1 января 2012 года апелляции по гражданским делам, с 1 января 2013 года апелляции по уголовным делам имело целью повышение гарантии защиты прав и законных интересов граждан при повторном рассмотрении дел, что также способствует повышению эффективности защиты конституционных прав граждан.

Учитывая основополагающую роль правосудия в обеспечении конституционных прав граждан, большое значение придается формированию единой правоприменительной практики в судах общей юрисдикции, все большее значение, в котором начинает приобретать правовая позиция Конституционного суда, на которую нередко ориентируются суды общей юрисдикции при разрешении споров. В силу верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации (статья 4, часть 2; статьи 15 и 120 Конституции Российской Федерации) в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению правовых норм. Соответственно, суд общей юрисдикции, исходя из названных принципов, при рассмотрении конкретного дела уясняет конституционный смысл выбранной нормы и применяет ее именно в этом – конституционном – смысле [5].

Суд при вынесении решения учитывает постановления Конституционного Суда Российской Федерации о толковании положений Конституции Российской Федерации, подлежащих применению в данном деле, и о признании соответствующими либо не соответствующими Конституции Российской Федерации нормативных правовых актов, перечисленных в пунктах «а», «б», «в» части 2 и в части 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации, на которых стороны основывают свои требования или возражения [6].

Так, в качестве примера можно привести гражданские дела по искам граждан к ОА ГО «Город Якутск», третьему лицу ОАО «Домостроительный комбинат» о признании проживающим на условиях договора социального найма, признании права на приватизацию и права собственности на жилое помещение в порядке приватизации. При рассмотрении данных дел было установлено, что Постановлением Конституционного Суда РС (Я) от 25.02.2011 признано не соответствующим ст. ст. 8 (ч. 3), 24, 30, 102 (ч. 3 и 5) и 113 Конституции РС (Я)

распоряжение Правительства РС (Я) № 1557р от 10.12.1997 «О передаче трех общежитий по улице Автоторожная в г. Якутске АО «Домостроительный комбинат»». При этом Конституционный Суд РС (Я), установив, что в момент издания оспариваемого распоряжения Правительства РС (Я) указанные общежития находились в составе государственного жилищного Фонда РС (Я), пришел к выводу, что передача указанных общежитий в собственность иного лица произведена с нарушением прав лиц, проживающих в указанных общежитиях, на их бесплатную передачу, то есть передача заселенного гражданами жилого помещения, относящегося к государственной собственности, иному лицу, стала препятствием для реализации права граждан на приватизацию занимаемых ими жилых помещений. Исходя из указанных обстоятельств, исковые требования были удовлетворены.

Данный пример иллюстрирует, как постановление Конституционного суда может повлечь за собой правовые последствия для граждан при защите своих конституционных прав и законных интересов в гражданском процессе.

При осуществлении защиты своих конституционных прав немалую роль имеют сами процессуальные права граждан, которые определяют порядок защиты своих прав.

Порядок гражданского судопроизводства определен Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, в ходе применения которого имелись факты изменения гражданского процессуального законодательства в результате признания Конституционным Судом Российской Федерации процессуальных норм не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Так, взаимосвязанные положения части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 признаны Постановлением Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 №10-П не соответствующими Конституции в той мере, в какой они не предоставляют лицам, о правах и об обязанностях которых мировой судья принял решение без привлечения этих лиц к участию в деле, право апелляционного обжалования данного судебного решения, а также не предусматривают правомочие суда апелляционной инстанции направлять гражданское дело мировому судье на новое рассмотрение в тех случаях, когда мировой судья рассмотрел дело в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, или разрешил вопрос о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле [7].

В результате данного постановления ФЗ от 09.12.2010 №353-ФЗ были внесены изменения в положения ст. 320 ГПК РФ, которым право апелляционного обжалования решения суда наделяются также лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 № 7-П часть 2 статьи 397 признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она препятствует обжалованию в кассационном (апелляционном) порядке определений судов первой инстанции об удовлетворении заявлений о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам [8].

ФЗ от 09.12.2010 N 353-ФЗ были внесены изменения в положения ст. 397 ГПК РФ, которым предусмотрено право участников процесса на подачу частной жалобы на определения суда первой инстанции об удовлетворении заявления, представления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, а также об отказе в удовлетворении заявления, представления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Помимо указанных фактов хотелось бы отметить, что при осуществлении процессуальных прав граждан нормы ГПК нередко применяются в том конституционном смысле, выявленном Конституционным Судом Российской Федерации.

В частности, по делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 ГПК РФ Конституционный Суд РФ признал данную норму не противоречащей Конституции Российской Федерации и указал, что поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в си-

стеме действующего правового регулирования ее положения вместе с тем предполагают, что сторонам будет обеспечена возможность изложить свои доводы и возражения по рассматриваемому вопросу и направить суду письменные доказательства; если для проверки законности и обоснованности определения суда первой инстанции, на которое подана частная жалоба, суду апелляционной инстанции необходимо исследовать и оценить не только доказательства, положенные в основу данного определения, но и представленные стороной новые доказательства, которые не были ею представлены в суд первой инстанции по уважительной причине, суд апелляционной инстанции обязан назначить судебное заседание с проведением слушания и известить лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания [9].

Таким образом, резюмируя свое выступление, хотелось бы отметить, что правовая позиция Конституционного Суда имеет свое влияние на правоприменительную практику в той мере, в которой определяет конституционно-правовой смысл тех или иных применяемых правовых норм.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 10.04.2017) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы»// Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2013 г. N 1 ст. 13.
2. ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации от 6 января 1997 г. N 1 ст. 1.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 №8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»// Российская газета, 28 декабря 1995.
4. ФКЗ от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 21.07.2014) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»// Российская газета, 11 февраля 2011 г. № 29.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 11.11.2008 № 556- О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года №2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»// Информационно-правовое обеспечение «Гарант».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 N 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении»// Информационно-правовое обеспечение «Гарант».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 №10- П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы»// Информационно-правовое обеспечение «Гарант».
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 №7-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Амосовой, Т.Т. Васильевой, К.Н. Жестковой и других»// Информационно-правовое обеспечение «Гарант».
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.10.2015 №27-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.И. Карабанова и В.А. Мартынова»// Информационно-правовое обеспечение «Гарант».

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.12.2012 № 1406 (red. ot 10.04.2017) «O federal'noj celevoj programme «Razvitie sudebnoj sistemy Rossii na 2013 – 2020 gody»// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 7 yanvarya 2013 g. n 1 st. 13.
2. FKZ ot 31.12.1996 № 1-FKZ (red. ot 05.02.2014) «O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii»// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 6 yanvarya 1997 g. N 1 st. 1.

3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 31.10.1995 №8 (red. ot 03.03.2015) «O nekotoryh voprosah primeneniya sudami Konstitucii Rossijskoj Federacii pri osushchestvlenii pravosudiya»//Rossijskaya gazeta, 28 dekabrya 1995.

4. FKZ ot 07.02.2011 № 1-FKZ (red. ot 21.07.2014) «O sudah obshchej yurisdikcii v Rossijskoj Federacii»// Rossijskaya gazeta, 11 fevralya 2011 g. № 29.

5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11.11.2008 № 556- O-R «O raz'yasnenii Postanovleniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 5 fevralya 2007 goda №2-P po delu o provere konstitucionnosti polozhenij statej 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 i 389 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii»// Informacionno-pravovoe obespechenie «Garant».

6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 19.12.2003 N 23 (red. ot 23.06.2015) «O sudebnom reshenii»// Informacionno-pravovoe obespechenie «Garant».

7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21.04.2010 №10- P «Po delu o provere konstitucionnosti chasti pervoj stat'i 320, chasti vtoroj stat'i 327 i stat'i 328 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdanki E.V. Alejnikovoj i obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Tri K» i zaprosami Noril'skogo gorodskogo suda Krasnoyarskogo kraja i Central'nogo rajonnogo suda goroda CHity»// Informacionno-pravovoe obespechenie «Garant».

8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.03.2010 №7-P «Po delu o provere konstitucionnosti chasti vtoroj stat'i 397 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan I.V. Amosovoj, T.T. Vasil'evoj, K.N. ZHestkovoj i drugih»// Informacionno-pravovoe obespechenie «Garant».

9. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20.10.2015 №27-P «Po delu o provere konstitucionnosti chasti tret'ej stat'i 333 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan A.I. Karabanova i V.A. Martynova»// Informacionno-pravovoe obespechenie «Garant».

Ценностные аспекты конституционализма как общеправового принципа

Аннотация. Обосновывается аксиологический подход к рассмотрению конституционализма как общеправового принципа, обладающего важнейшими характеристиками. Автором раскрывается категориальный смысл конституционализма и его роль в укреплении национальной государственности. Обращается внимание на актуальность укрепления конституционного правового сознания в условиях нарастания глобальных вызовов, борьбы за природные территории. Их сохранение требует от современного государства продуманной экономической, инвестиционной, правовой, социальной политики. В заявленном контексте автор акцентирует внимание на развитие научно-исследовательской деятельности по изучению конституционно-правовой жизни конкретных территорий, по сохранению культурно-исторических традиций народов и этносов. Немаловажное значение, по мнению автора, имеет построение эффективной и результативной системы взаимодействия государства и институтов гражданского общества.

Ключевые слова: государственность, категория, конституционализм, культура, культурологический подход, правовая защита, правовое регулирование, принцип, территория, ценность, этнос.

N.A. Frolova

Value Aspects of Constitutionalism as a General Legal Principle

Abstract. The article explains the axiological approach to the consideration of constitutionalism as a general legal principle, with most important characteristics. The author reveals the categorical meaning of constitutionalism and its role in strengthening of national statehood. Attention is drawn to the urgency of strengthening the constitutional legal consciousness in the conditions of growing global challenges, the fight for natural areas. Their preservation requires the modern state to a sound economic, investment, legal and social policy. In the stated context, the author focuses on the development of research activities for the study of constitutional and legal life in particular regions, the preservation of cultural and historical traditions of the peoples and ethnic groups. Equally important in the author's opinion, is to build an effective and efficient system of interaction between state and civil society institutions.

Keywords: state, category, constitutionalism, culture, culturological approach, legal protection, legal regulation, principles, territory, value, ethnic group.

Глубоко символично, что 25-летие образования Конституционного суда Республики Саха (Якутия) логически и преемственно связано с другой государственной датой – 95-летием образования Якутской АССР, с формированием в республике на конституционной основе национальной государственности. Исторический отсчет времени данных событий, соединяя прошлое, настоящее и будущее, способствует не только пониманию дальнейших продуманных подходов к хозяйственно-культурному развитию Республики в условиях XXI века, но и сохранению тех духовных традиций и ценного опыта, которые доказали свою жизнеспособность в различные периоды становления государственно-правовых основ якутского этноса.

ФРОЛОВА Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: frolova.rags@yandex.ru

FROLOVA Natalia Alekseevna – Doctor of Juridical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation.

Обращение в целом к вопросам развития конституционной юстиции в Российской Федерации затрагивает важный для современной действительности аспект осмысления самого понятия – Конституционализм.

Помимо устоявшегося еще с Нового времени понятия Конституционализма как системы организации государственной власти, опирающейся на Конституцию и конституционные методы правления, в которой законодательно определены отношения между обществом и государством, Конституционализм в своей основе имеет две важнейшие характеристики: методологическую и тематическую.

Именно эта направленность позволяет рассматривать Конституционализм в качестве универсальной правовой категории, фундамента суверенитета государства, в качестве основы организации процесса его конституционного строительства и обеспечения надлежащей реализации прав и свобод человека. Но данный процесс не может протекать стихийно, и в конституционно-правовой сфере необходимы стратегия и логика, система действий и результативная конституционно-правовая политика.

Роль конституционализма велика в научно-методологическом сопровождении надлежащей гарантированности прав, свобод и законных интересов граждан, в развитии форм юридического содействия их реализации. Кроме того, ценность Конституционализма наиболее полно проявляется в достижении единого конституционного пространства, а, следовательно, достаточного уровня правовой безопасности, как необходимого явления для правовой защиты конституционных и иных нормативных правовых актов, законности принимаемых решений, для оптимального обеспечения жизнедеятельности общества и личности.

В данной связи объективность и целесообразность выделения правовой безопасности, призванной способствовать правовой защите при регулировании общественных отношений, обусловлены следующими обстоятельствами:

- а) необходимостью создания реально действующего правового механизма обеспечения национальной безопасности;
- б) потребностью максимального снижения юридических воздействий негативного характера на деятельность субъектов права в различных сегментах народнохозяйственного комплекса;
- в) необходимостью рационального и эффективного использования правовых инструментов и юридических средств для дальнейшего развития российской правовой системы;
- г) необходимостью развития новых практических подходов к решению правовых проблем и в связи с этим к результативному совершенствованию правового регулирования социальных процессов.

Конституционализм как общеправовой принцип, как государственно-правовая практика позволяет:

- анализировать и оценивать фактически сложившиеся общественные, политические, экономические, социальные отношения, уровень их законодательного регулирования;
- осмысливать и обобщать исторические, национальные, этнические, культурно-духовные особенности и изменения в институте государственности, учитывать в комплексе факторы, воздействующие на понимание целостности бытия человека, его прав и гарантий жизнеобеспечения.

В Республике Саха (Якутия) это представляет особую актуальность, поскольку на территории региона проживают малочисленные народы с традиционным укладом жизни, но которые несут важную государственно-защитную функцию.

Кроме того, важно учитывать и современные геополитические вызовы, связанные с борьбой за обладание территориями, источниками природного сырья, особенно в Арктической зоне. Якутия как важнейший субъект Российской Федерации обладает значительной арктической территорией, которая требует постоянного внимания, изучения, развития для обеспечения экономической, миграционной, инвестиционной привлекательности региона, а также выработки специального правового режима.

Это, в свою очередь, усиливает роль правовых технологий, принципа объективности в конструировании эффективных правовых институтов, когда объектом правовой технологии выступает конкретно-историческая или правовая ситуация. Отмеченное диктует необходимость разработки конкретной модели и правовых механизмов для перехода России от стратегического и тактического планирования в Арктике к реальному развитию российских арктических территорий, к правовому регулированию хозяйственной деятельности в Арктической зоне.

Конституционализм позволяет с широких деятельных позиций изучать жизненную среду территорий, конкретные региональные и местные особенности, общественно-правовые отношения, подлежащие законодательной регламентации, специфические потребности и интересы социума, реальные процессы и явления политической и правовой жизни. В данном аспекте методологический концепт Конституционализма высвечивает актуальность и востребованность повышения правовой культуры законодателя и правоприменителя, граждан и общества в целом, особенно его молодых поколений.

В обозначенной сфере деятельности в социально-правовых реалиях XXI века следует развивать такие направления, как:

- привлечение внимания к ценностям Конституционализма, среди которых особую значимость составляют человек, народовластие, безопасность, территориальная целостность Российского государства, конституционный порядок, местное самоуправление;
- расширение конституционно-правовых и этических знаний о культуре, определяющей уровень развития общества, способностей человека и влияющей на создаваемые материальные и духовные ценности;
- раскрытие принципов культурного развития государственности, ее достоинства;
- углубление культурной безопасности, понимание прав и обязанностей граждан в области культуры;
- отстаивание культуры языка, общения, культурных отношений, правового регулирования культурных явлений;
- сохранение памятников истории и культуры, народного творчества.

Выработка культурологического подхода к приращению конституционно-правовых знаний, осознание «мягкой силы» культуры для конституционно-правовой политики в сферах образования, науки, межгосударственного сотрудничества, воспитания патриотизма формирует должный авторитет государства, сохранение самобытности народов и этносов, проживающих на его территории, а также уважительное отношение к историческим традициям.

Развитие научно-исследовательской деятельности по изучению региональных и местных правовых источников конституционной направленности, особенностей культуры, языка, национальной идентичности, а также по накоплению теоретико-практических знаний о жизненном укладе этносов позволяет создать основу для нового направления в конституционно-правовой науке, связанной с конституционным культуроведением. Одновременно это способствует выявлению позитивной деятельной практики в конституционно-правовой жизни конкретных территорий, муниципальных образований, этносов, общин, позволяет более полно учитывать имеющийся организационно-правовой и культурный опыт как в решении возникающих проблем, так и в определении дальнейших перспектив развития.

Укрепление конституционного правосознания, достижение общесоциального консенсуса, построение действенной системы взаимодействия власти и институтов гражданского общества способны придать оптимальные свойства реальной практике реализации Конституционализма в России и в ее регионах, устойчивому механизму повсеместного обеспечения действия конституционных норм в повседневной жизни.

Научная обоснованность и методологическая культура предметного поля Конституционализма должны работать на устойчивое и перспективное развитие многонациональной России и ее регионов.

Реализация конституционных гарантий сохранения и развития исторических, национальных и духовных традиций, культур и языков в деятельности Конституционного суда Республики Татарстан

Аннотация. Рассмотрены особенности реализации государственной политики по сохранению и развитию в Российской Федерации и Республики Татарстан национальных и культурных традиций, а также дан краткий обзор международных и национальных нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу общественных отношений. На примере Конституционного суда Республики Татарстан показана деятельность государственного органа субъекта Российской Федерации, способствующая сохранению и развитию исторических, национальных и духовных традиций, культур и языков народов Российской Федерации.

Ключевые слова: Национальная политика, сохранение традиций, культурное многообразие, правовое регулирование, государственные языки субъектов Российской Федерации, судебная защита.

F.G. Khusnutdinov

Implementation of Constitutional Guarantees of Preservation and Development of Historical, National and Spiritual Traditions, Cultures and Languages in Activity of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan

Abstract. The article considers the features of the implementation of the state policy on the preservation and development of national and cultural traditions in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan, as well as a brief review of international and national regulatory legal acts regulating this sphere of social relations. On the example of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan, it reviews the activity of the state body of the subject of the Russian Federation promoting preservation and development of historical, national and spiritual traditions, cultures and languages of the people of the Russian Federation.

Keywords: national policy, preservation of traditions, cultural diversity, legal regulation, state languages of subjects of the Russian Federation, judicial protection.

Развитие Российской Федерации как многонационального и поликультурного общества сейчас уже невозможно представить без государственной политики по сохранению богатейшего культурного и языкового наследия страны, без развития национальных и духовных традиций населяющих ее народов, без всего того, что в итоге является фундаментом и основой социально-экономического благополучия и цивилизационной самобытности России.

Правовые основы сохранения и развития исторических, национальных и духовных традиций, культур и языков в отечественном законодательстве и на международном уровне были заложены еще в прошлом веке. Так, сразу же после окончания Второй мировой войны в городе Нью-Йорке в 1948 г. на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций была принята Всеобщая декларация прав человека, в которой права на использование и охрану объек-

ХУСНУТДИНОВ Фархат Гусманович – Председатель Конституционного суда Республики Татарстан, заслуженный юрист Республики Татарстан.

E-mail: KS.RT@tatar.ru

KHUSNUTDINOV Farkhat Gusmanovich – Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Tatarstan, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan.

тов всемирного культурного и природного наследия получили юридическое оформление [1]. В последующие годы на международном уровне было принято и ратифицировано сначала Советским Союзом, а потом и Российской Федерацией большое количество других нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в этой сфере. В частности, в 1972 г. в Париже была принята Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, которая была ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1988 г. [2].

С появлением в Конституции СССР 1977 года 68 статьи, устанавливающей в качестве долга и обязанности граждан заботу о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей, обязанность защиты, сохранения и развития исторических, национальных и духовных традиций приобретает конституционные основы [3].

Согласно преамбуле Конституции Российской Федерации она была принята многонациональным народом, соединенным общей судьбой своей истории и самобытных традиций исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения. Именно поэтому одной из главных обязанностей граждан Российской Федерации на конституционном уровне устанавливается необходимость каждого гражданина заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [4].

В соответствии с Конституцией России в ведении Российской Федерации находится установление основ федеральной политики и принятие федеральных программ в области национального развития Российской Федерации, а в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов – защита прав национальных меньшинств, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей, установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления.

Важное значение для отечественного законодательства и координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, обеспечения их взаимодействия с институтами гражданского общества в сфере государственной национальной и культурной политики послужило принятие в 2012 году Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [5] и утверждение в 2014 году Основ государственной культурной политики [6].

Участие субъектов Российской Федерации в сохранении исторического и культурного наследия проживающих на ее территории народов является действенным способом реализации субъектами права самостоятельно определять свое историческое наследие и национально-культурную политику. Прежде всего это относится к национальным республикам в составе Российской Федерации. Прошлое и настоящее каждого субъекта Российской Федерации уникально, на территории некоторых из них, таких как, например, Республика Татарстан, происходили события, имевшие судьбоносное значение для становления российской государственности.

Особая роль в установлении конституционных основ сохранения и развития исторического и культурного наследия принадлежит конституциям и уставам субъектов. Конституция Татарстана в соответствии с ее преамбулой способствует сохранению и развитию исторических, национальных и духовных традиций, культур и языков, обеспечению гражданского мира и межнационального согласия.

В этой связи Конституция Республики Татарстан выполняет важнейшую роль в сохранении и развитии национальной культуры, языка и традиций всего многонационального народа Татарстана. В то же время в Конституции Республики Татарстан зафиксировано, что республика также оказывает содействие в развитии национальной культуры, языка, сохранении самобытности татар, проживающих за пределами Республики Татарстан (статья 14). Республика Татарстан обеспечивает сохранение и защиту интеллектуального и художественного наследия, сохранение и развитие культуры татарского народа, национальных культур представителей других народов, проживающих на территории Республики Татарстан (часть пятая статьи 57).

Конституционный суд Республики Татарстан в своей практике нередко сталкивался с вопросами, касающимися соблюдения органами государственной власти и органами местного самоуправления указанных конституционных гарантий.

Так, например, Конституционный суд рассмотрел дело о проверке конституционности постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 9 июня 2016 года № 378 «Об установлении Порядка приемки выполненных работ и (или) оказанных услуг по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме с участием лиц, уполномоченных действовать от имени собственников помещений» в связи с жалобой заявительницы, полагавшей, что данный нормативный правовой акт не был официально опубликован в установленном порядке на татарском языке. При этом, по ее мнению, ее конституционные права нарушала также статья 11 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», поскольку она содержит неопределенность в вопросе об обязательности официального опубликования указанных в ней категорий нормативных правовых актов на обоих государственных языках Республики Татарстан либо допустимости опубликования нормативных правовых актов только на одном государственном языке.

Согласно статье 11 оспариваемого Закона Республики Татарстан тексты законов Республики Татарстан и других нормативных правовых актов, принятых Государственным Советом Республики Татарстан, Президиумом Государственного Совета Республики Татарстан, Президентом Республики Татарстан, Кабинетом Министров Республики Татарстан и иными органами государственной власти Республики Татарстан, официально публикуются в соответствующих периодических изданиях на государственных языках Республики Татарстан и имеют одинаковую юридическую силу.

Конституционный суд Республики Татарстан в постановлении от 23 июня 2017 г. № 74-П указал, что данное правовое регулирование в рамках конституционного принципа равноправия татарского и русского языков, как государственных языков Республики Татарстан, предполагает опубликование принимаемых органами публичной власти нормативных правовых актов на обоих государственных языках Республики Татарстан. Следовательно, рассматриваемое постановление Кабинета Министров Республики Татарстан в системе действующего правового регулирования подлежало опубликованию на обоих государственных языках Республики Татарстан.

Между тем, как следовало из материалов дела, оспоренное постановление Кабинета Министров Республики Татарстан было размещено на «Официальном портале правовой информации Республики Татарстан» (PRAVO.TATARSTAN.RU) 22 июня 2016 г. только на русском языке, а на татарском языке – лишь 21 ноября 2016 года. В связи с этим Конституционный суд Республики Татарстан обратил внимание на то, что соблюдение органами государственной власти и органами местного самоуправления в Республике Татарстан разумных сроков при официальном опубликовании нормативных правовых актов на государственных языках Республики Татарстан – татарском и русском – является неотъемлемым элементом механизма защиты прав и свобод человека и гражданина и способствует более полному и последовательному обеспечению конституционно-правовых гарантий получения информации на обоих государственных языках Республики Татарстан.

Равное употребление государственных языков Республики Татарстан находит свое отражение и при осуществлении судопроизводства Конституционным судом Республики Татарстан. Так, по ходатайству заявителей Конституционный суд Татарстана неоднократно проводил судебные заседания на татарском языке как государственном языке республики. Кроме того, все без исключения итоговые решения Конституционного суда Татарстана принимаются и публикуются в официальных изданиях на обоих государственных языках Республики Татарстан.

Сохранение и развития исторических, национальных и духовных традиций невозможно себе представить без деятельного участия в воспитании подрастающего поколения в духе уважения к правам и свободам человека и гражданина, без привлечения их к осмыслению смысла и предназначения Основного закона Республики Татарстан – Конституции Республики Татарстан.

Вот уже второй год подряд в Международный день защиты детей, который отмечается 1 июня, Конституционным судом в целях воспитания у подрастающего поколения уважения к праву и развития их творческих способностей совместно с Министерством образования и науки, Министерством культуры, Уполномоченным по правам человека и Уполномоченным по правам ребенка проводится конкурс детского рисунка «Конституция глазами детей».

В ноябре 2016 г. в Казани состоялись первые Конституционные чтения Республики Татарстан, в рамках которых были рассмотрены актуальные проблемы современного федерализма. Организуемые Конституционным судом Республики Татарстан образовательные и просветительские мероприятия гармонично вписываются в успешно проводимую в Республике Татарстан государственными и муниципальными органами работу по выполнению основных положений Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан, принятой в 2008 году [7], и плана мероприятий по реализации в 2016-2018 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [8].

Тем самым Конституционный суд Татарстана наряду с иными органами государственной власти и органами местного самоуправления, осуществляя свою деятельность, стремится максимально широко и эффективно обеспечивать реализацию, в том числе таких конституционно значимых целей, как необходимость сохранения и развития в республике исторических, национальных и духовных традиций, культур и языков.

Литература

1. «Российская газета» от 5 апреля 1995 года, № 67.
2. Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. – М., 1990. – С. 496-506.
3. Конституция (Основной Закон) СССР (принята ВС СССР 07.10.1977) – Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41.
4. Часть 3 ст. 44 Конституции РФ//
5. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года»// Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»// Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Указ Президента РФ от 03.07.2008 № УП-312 (ред. от 26.07.2013) «Об утверждении Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
8. Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2015 № 2648-р (ред. от 27.10.2016) «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016-2018 годах Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

References

1. «Rossijskaya gazeta» ot 5 aprelya 1995 goda, № 67.
2. Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR. Vyp. XLIV. – M., 1990. – S. 496-506.
3. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) SSSR (prinyata VS SSSR 07.10.1977) – Vedomosti VS SSSR. – 1977. – № 41.
4. CHast' 3 st. 44 Konstitucii RF//
5. Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki RF na period do 2025 goda»// Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
6. Ukaz Prezidenta RF ot 24.12.2014 № 808 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki»// Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
7. Ukaz Prezidenta RF ot 03.07.2008 № UP-312 (red. ot 26.07.2013) «Ob utverzhdenii Konceptii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v Respublike Tatarstan»// Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
8. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 23.12.2015 № 2648-r (red. ot 27.10.2016) «Ob utverzhdenii plana meropriyatij po realizacii v 2016-2018 godah Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki RF na period do 2025 goda»// Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».

— ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО —

УДК 34

*А.А. Жирков***Профессиональные интересы медицинских работников
в системе правовых интересов**

Аннотация. Медицинское право является одной из самых новых и неизученных отраслей права, которое представляет собой симбиоз конституционного, гражданского и административного права. Стоит отметить, что самой дискутируемой темой являются отношения врача и пациента, особенности их взаимоотношений. Правовое регулирование данных отношений детально описано в действующем законодательстве, при этом приверженцы прав медицинских работников считают необоснованным то, что у медицинских работников обязанностей больше, чем у пациентов. На наш взгляд, проблема кроется в дисбалансе правовых интересов субъектов отношений в сфере медицинской помощи. Целью данной работы является установить истинную проблему взаимодействия врача и пациента, возникшую в настоящее время в правовом и врачебном сообществе. Методологической основой исследования являются сравнительный, логический, статистический, системный методы.

Ключевые слова: правовой интерес, медицинские работники, врачи, пациенты, теория интересов, теория разграничения, обязанность в сфере медицины, дисбаланс прав и обязанностей, защита правовых интересов.

*A.A. Zhirkov***Professional Interests of Medical Workers in the System
of Legal Interests**

Abstract. The medical right is one of the newest and not studied branches of law, which represents a symbiosis of constitutional, civil and administrative law. It is noted that the most discussed theme is the relations of the doctor and the patient, their characteristics and the structure of mutual relations. Legal regulation of the given relations are in details described in the current legislation, but those

ЖИРКОВ Алексей Алексеевич – студент 2 курса магистратуры юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: aleksej_zhirkov@inbox.ru

ZHIRKOV Alexey Alekseevich – 2nd year Master student, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Научный руководитель:

ГОГОЛЕВ Петр Васильевич – доктор юридических наук, декан юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

GOGOLEV Petr Vasil'evich – Doctor of Juridical Science, Dean of the Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

standing for the rights of medical workers have been questioning why medical workers have more obligations than patients. In my opinion, the problem stems from a misbalance of legal interests of subjects of relations in the medical aid sphere. The purpose of the article is not as much as to specify the issues of obligations of patients, but rather to establish the true problem which has arisen now in the legal and medical society. The comparative, logic, statistical, and systemic methods serve a methodological basis of the research.

Keywords: Legal interest, medical workers, doctors, patients, theory of interests, differentiation theory, obligations in medicine sphere, misbalance of the rights and obligations, protection of legal interests.

Введение. Медицина в настоящее время претерпевает огромные изменения, что сказывается на правовом регулировании одной из самых сложных сфер юриспруденции. Необходимо обратить внимание на то, что медицинская сфера имеет очень много специфических черт, что порой затрудняет законодателью оформлять отношения правилами поведения. Актуальной темой в научных кругах является правовой интерес медицинских работников в системе законных интересов.

Правовой интерес как конституционно-правовая проблема соотношения прав и обязанностей

Динамичное развитие медицинского законодательства в последнее время непременно проявляется в реформировании объема прав субъектов медицинских правоотношений. В правовой действительности объем прав медицинских работников и пациентов имеет огромный дисбаланс, т.к. превалирует количество прав пациентов. Вышеуказанное обстоятельство дает огромный толчок к глобальной конституционно-правовой проблеме в ограничении доступности в правовой свободе и самое главное в защите интересов медицинских работников.

Л. Николов указывает, что «в процесс обмена деятельностью между людьми включены интересы более чем одного субъекта. Между этими интересами образуются разнообразные связи и отношения. Интересы различных субъектов в рамках обмена деятельностью могут противопоставляться одни другим или согласовываться до степени формирования общего для всех субъектов интереса. Структура обмена деятельности включает, следовательно, связи и отношения между интересами участвующих в этом обмене субъектов» [1, с. 118].

Вышеуказанное дает основание полагать, что правовой интерес и сама цель данных субъектов выступает как однозначное явление. То есть стремление субъектов к единственному результату и, самое главное, надо заметить, что данный процесс характеризуется реализацией правовых возможностей. Надо понимать, что процесс правовых возможностей включает в себя разнообразные права, свободны и законные интересы.

Теория «мягкого» и «жесткого» правового интереса

Необходимо обратиться к истокам дискуссии по поводу сложного понятия «правовой интерес». На наш взгляд, дискуссия была начата Л.И. Петражицким. Лев Иосифович в своей работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», изданной в 1990 г., критиковал учение Р. Иеринга. Последний был ярким представителем учения правовой теории интересов и указывал, что право есть не что иное как юридически защищенный интерес, в защите интересов Р. Иеринг видел истинный смысл понятия «право». Л.И. Петражицкий, напротив, указывал, что Р. Иеринг рассматривает вопрос сугубо в контексте гражданско-правовых отношениях, где защита интересов является в гражданском иске, а не сам интерес. Так как иски в большем случае направляются для разрешения в суд по волеизъявлению самого субъекта – потерпевшего, то право уже определяется как самозащита интересов.

Также стоит упомянуть работы Н.М. Коркунова, который отстаивал вопрос о теории разграничения интересов. По его мнению нормы разграничения интересов это и есть смысл юридической нормы, «Нравственность дает оценку интересов, право их разграничение» [2, с. 60-62]. В нашем понимании теория разграничения выделяется в следующем: индивид для реализации своих целей всегда ограничен в средствах. Тем самым у субъекта встает ди-

лемма выбора, что и является сутью данной теории. Данная дилемма вынуждает субъекта осуществить сравнительно-правовой анализ интересов.

Если Н.М. Коркунов был за «мягкую» теорию, в которой прослеживались элементы демократизма, то Р. Иеринг был за более императивную «жесткую» теорию. Н.М. Коркунов полагал, что дифференциация интересов может протекать без каких либо последствий. В основе теории разграничения лежит полное умиротворение и бесконфликтность, то есть такое разграничение является уже по умолчанию. В свою очередь Р. Иеринг указывал противоположное, что право это всегда борьба интересов.

Для применения вышеуказанных теорий можно предположить, что правовой интерес медицинских работников имеет некий симбиоз «жесткой» и «мягкой» теории. Согласитесь, не все нормы идеальны, не все правила применяются, но все же изначально, на наш взгляд, «мягкая» теория была задана государством по умолчанию как стандартная совокупность прав и обязанностей. Взгляд государства на конструкцию правил поведения для врачей и для пациентов был изначально проигрышным для первых. Это, безусловно, сказывается на правовом интересе государства по отношению к более уязвимой группе субъектов – пациентов.

Так, согласно ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации охраняется здоровье людей. Также по ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Также приоритет правовых интересов пациентов прослеживается в следующих статьях: 18, 19, 21, 24, 25, 26 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

На наш взгляд, правовой интерес заключается не только в правах той или иной стороны, ведь любое право влечет за собой определенные обязанности, это является канонем.

Формальные обязанности пациентов

Действующее законодательство в Российской Федерации закрепляет всего одну статью по обязанностям граждан в сфере охраны здоровья. Надо заметить, что данные обязанности являются лишь формальностью и никаких последствий для пациентов на практике не наступало.

Ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» гласит о том, что граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья. Для полного понимания проблемы правовых интересов в настоящее время необходимо привести пример. На практике в медицинских организациях особенно ярко это можно проследить в деятельности акушеров и гинекологов, когда имеются случаи неадекватного поведения рожениц перед родами. Законодательством не предусмотрены обязанности рожениц проходить курсы «будущих мам», между тем это является обязательным элементом в истории развития внутриутробного плода. К сожалению, от этого страдают в первую очередь медицинские работники.

Так, в ходе проведения внеплановой проверки Территориальным органом Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по Республике Саха (Якутия) (далее – ТО Росздравнадзор по РС (Я)) по обращению гражданки Г. об оказании некачественной медицинской помощи и возникновении угрозы причинения вреда здоровью указано следующее.

Из объяснительных записок врачей установлено, что «роженица вела себя неадекватно, кричала, материлась, царапалась, не подпускала к себе, после двух неудачных попыток помочь родовспоможению с помощью пеленок, применен прием Кристеллера».

Учитывая обстоятельства (некорректное поведение роженицы на родовом столе во время потуг, длительное стояние прорезывающейся головки плода, внутриутробное страдание плода при аускультации), медицинскими работниками было решено использовать метод Кристеллера. С применением пособия по Кристеллеру произошли роды живым доношенным плодом мужского пола в состоянии асфиксии, без признаков патологии развития. Задние воды светлые с меконием. Ребенок сразу передан бригаде неонатолога, анестезиолога и медсестры для оказания реанимационной помощи.

Надо отметить, что в случае правовой обязанности беременных женщин проходить обязательные курсы будущих матерей обстоятельства могли сложиться иным образом. В данном примере ярко выражено, что женщина психологически не была готова к родам, из истории роженицы не указано, что она посещала курсы будущих матерей, из анамнеза указано, что женщина страдала никотиновым отравлением. Можно предположить, что в случае если последняя по закону обязана была проходить данные курсы (в случае если бы она прошла бы курсы), была бы вероятность того, что ребенок мог остаться здоровым и процесс родов протек бы без угрозы причинения вреда ребенку.

Данный пример лишь один из многочисленных случаев, когда можно с достоверностью увидеть дисбаланс правовых интересов медицинских работников и пациентов. Теория «мягких» интересов строит свое начало во взаимодействии субъектов и их отношений к интересам. Вышеуказанный пробел в законодательстве нарушает теорию интересов следующим образом.

Граждане обязаны заботиться о сохранении здоровья, также граждане, находящиеся на лечении, обязаны соблюдать режим лечения. Но стоит указать, что данная норма имеет сугубо декларативный характер. Никаких санкций за нарушение своих обязанностей пациент никогда не понесет.

Т. Е. Сучкова в своей диссертации отмечает: «В то время, как права пациента достаточно подробно сформулированы действующим законодательством, вопрос об обязанностях пациента по-прежнему открыт, поскольку ни один действующий нормативный акт не содержит перечня обязанностей пациента при его обращении за получением квалифицированной медицинской (в том числе врачебной) помощи. Между тем, таковые, безусловно, существуют, хотя и носят неписанный характер, с юридической точки зрения являясь не столько обязанностями, сколько рекомендациями» [3].

Отметим иной подход М.Н. Малеиной, которая указывает, что «обязанность граждан-пациентов выполнять предписания лечебных учреждений, соблюдать установленный режим... не служит основанием для признания данных отношений административно-правовыми, поскольку обязанность по выполнению предписания лечебных учреждений граждан принимается на себя добровольно, а не в силу властного распоряжения, «и пациент может прекратить свои отношения с лечебным учреждением по своему усмотрению в любое время, что не свойственно административно-правовому властному методу регулирования» [4, с. 28].

Последний подход является, на наш взгляд, ошибочным. Так, необходимо рассуждать на уровне предмета административно-властного характера, который разбирает не только государственно-управленческие отношения, но и иные публичные взаимодействия субъектов административного права. В научных кругах давно закреплен принцип того, что общерегулятивные административные правоотношения возникают между физическими лицами и организациями под контролем административно-публичных органов.

В подтверждении вышеуказанного довода можно представить мнение П. И. Кононова: «современное административное право – это не столько право публичной администрации, сколько право всего общества и отдельных его членов (граждан) на юридическую защиту от произвола администрации, а также от произвола отдельных лиц, поведение которых не вписывается в рамки общего публичного правопорядка» [5, с. 19].

Резюмируя вышеуказанное можно добавить, что не столь важно, чтобы в административном правовом регулировании были элементы властного подчинения. В отношении медицинскими организациями и пациентами в системе административных правоотношений, возможны случаи, когда законом субъект обязан соблюдать публичные правила поведения в виде соблюдения внутреннего контроля медицинскими работниками. Тем самым, хоть властного элемента не имеется, но административная обязанность установлена и она обязательна. Стоит отметить, что современное понимание административных отношений претерпело много изменений со времен императивности и авторитаризма.

Изучив действующее законодательство, пациент может решить, что он не обязан соблюдать назначенное врачом лечение, принимать лекарства, которые прописывает врач, соблю-

дать режим лечения, предоставлять всю необходимую информацию о своем здоровье. Правовой интерес со стороны пациента в качестве обязанностей имеет лишь формальный характер. Но в случае медицинской ошибки, которая будет совершена из-за несоблюдения назначенного врачом лечения, непринятия выписанных врачом лекарств, несоблюдения режима лечения, непредставления необходимой информации о своем здоровье, ответственность будет нести именно медицинский работник, так как физически, объективно не предусмотрел последствий, которые не может предусмотреть ни один врач. Так встает вопрос: разве данное обстоятельство является справедливым? Здесь идет речь о нравственности правовых интересов.

Правовой интерес медицинских работников обладает свойствами самобытности и отсутствием четкой регламентации в законодательстве. Законодатель не дает четких ответов на вопрос, каким способом защищать права медицинских работников. На наш взгляд, такой подход самопроизвольности вытекает из-за специфичной среды этой сложной профессии.

Обязанности медицинских работников указаны в ст. 73 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», права медицинских работников отражены в ст. 72 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Дисбаланс правовых интересов

Таким образом, согласно Федеральному закону от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» права медицинских работников можно разделить на трудовые и профессиональные, где к трудовым относят вопросы между организацией и работником, профессиональные – это вопросы, касающиеся квалификации работника и прохождения аттестации.

Законодатель с точки зрения «мягкой» теории правовых интересов обязан был изложить закон в такой форме, чтобы соблюдался равный баланс интересов со стороны пациентов и медицинских работников.

Если резюмировать, закон, целью которого являются нормальные взаимоотношения, должен быть в идеальной форме, предусматривать равные права и обязанности сторон отношений в сфере здравоохранения.

Данный баланс смутно проявлялся лишь в редких случаях, например п. 3 ст. 27 Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указана обязанность граждан соблюдать режим лечения, правила поведения пациента в медицинских организациях, обязанность заботиться о своем здоровье.

Иными словами, законодатель, скорее всего, имел в виду обязанность граждан оказывать содействие медицинской организации, в которой пациент проходит лечение, где конечной целью будет качественное и безопасное лечение пациентов.

Стоит отметить, что правовой интерес в вышеуказанном аспекте – это «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [6, с. 110].

Ю.А. Тихомиров также утверждает, что необходимо учитывать только один критерий: на первом месте должны быть интересы, способствующие нормальному и гармоничному воспроизводству всего социума, его дальнейшему развитию [7 с. 55].

Данный симбиоз позволил бы создать основу крепкого и эффективного взаимодействия врача и пациента, так как пациент должен понимать, что неисполнение своих обязанностей может привести к снижению качества медицинских услуг и может повлечь неблагоприятные последствия.

Но так как гражданин, проходящий лечение, не несет никакой ответственности за неисполнение обязанностей согласно Федеральному закону от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» происходит излом в правовых интересах субъектов взаимоотношений этой сложной и неоднозначной системы здравоохранения.

Можно утверждать, что «мягкая» теория правового интереса обладает большим изъяном, вышеуказанные обстоятельства демонстративно на это указывают. Установленные государ-

ством рамки дозволенного имеют неточные и неэффективные характеристики, что говорит об отсутствии должной регламентации терминологий, точных правовых регламентаций конфликтных ситуаций между врачом и пациентом, детально регулированных защитных функций медицинских работников, ответственность пациентов.

В связи с этим логично внедрить «жесткую» теорию правовых интересов, где истинный интерес проявляется путем борьбы и внедрений стратегических изменений законодательства.

Следует резюмировать, что в огромном количестве прав пациента в превалирующем большинстве способов защиты интересов гражданина, проходящего лечение в медицинской организации, можно увидеть, что юридическая защищенность медицинских работников находится на низком уровне.

Данное обстоятельство приводит лишь к одному выводу: нужно обеспечить равный баланс путем улучшения доступности и эффективности защиты медицинских работников.

Литература

1. Николов Л. Структуры человеческой деятельности. – М.: Наука, 1984.
2. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 2003.
3. Сучкова Т.Е. Основы административно-правового регулирования врачебной деятельности по оказанию медицинской помощи гражданам в российской федерации: Диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – М., 2016. – 102 с.
4. Малейна М.Н. Человек и медицина в современном праве. – М.: Бек, 1995.
5. Кононов П.И. Проблемы административного права и процесса. – Киров: Аверс, 2013.
6. Кузин А.А. Публичный интерес в гражданско-правовых отношениях с участием РФ // Государство и право. – 2008. – №5. – С. 110-115.
7. Тихомиров Ю.А. Публичное право. – М., 1995.

References

1. Nikolov L. Struktury chelovecheskoj deyatel'nosti. – M.: Nauka, 1984.
2. Korkunov N.M. Lekcii po obshchej teorii prava. – SPb., 2003.
3. Suchkova T.E. Osnovy administrativno-pravovogo regulirovaniya vrachebnoj deyatel'nosti po okazaniyu medicinskoj pomoshchi grazhdanam v rossijskoj federacii: Dissertaciya ... kand. yurid. nauk: 12.00.14. – M., 2016.- 102 s.
4. Maleina M.N. Chelovek i medicina v sovremennom prave. – M.: Bek, 1995.
5. Kononov P.I. Problemy administrativnogo prava i processa. – Kirov: Avers, 2013.
6. Kuzin A.A. Publichnyj interes v grazhdansko-pravovyh otnosheniyah s uchastiem RF // Gosudarstvo i pravo. – 2008. – №5. – S. 110-115.
7. Tihomirov Yu.A. Publichnoe pravo. – M., 1995.

Обеспечение права на защиту несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого при участии его в следственных действиях

Аннотация. Рассматриваются особенности обеспечения права на защиту несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому при участии его в некоторых видах следственных действий, суть которых направлена на получение от него полных и правдивых показаний по уголовному делу. Учитывая доказательственный характер получаемых от производства следственных действий сведений, должностным лицам, ведущим досудебный уголовный процесс, необходимо выполнять требования закона об обеспечении прав, свобод и законных интересов участвующих в нем лиц. В сравнении с участниками совершеннолетнего возраста, в силу возрастных особенностей, несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый является более уязвимым и менее приспособленным к защите своих прав. В этой связи уголовно-процессуальный закон должен содержать нормы, учитывающие специфику возраста и устанавливающие тем самым дифференцированные правила. Вместе с тем нормативная практика такой подход содержит в недостаточном объеме, создавая пробелы в части обеспечения права на защиту несовершеннолетних лиц, поскольку не учитываются некоторые основные права и законные интересы участников со стороны защиты. Цель исследования заключается в поиске научно обоснованного подхода к разрешению выявленных на основе теоретического и нормативного анализа использованных источников совершенствования процессуальной деятельности, направленной на обеспечение прав и свобод, законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в досудебном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, следственное действие, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, следователь, дознаватель, защитник, законный представитель, консультирование, право на защиту.

Z.I. Koryakina

Ensuring the Right of Defense for Minor Suspects, Defendants During Their Involvement in Investigation Actions

Abstract. The article deals with the specifics of ensuring the right of defense of minor suspects, defendants during their participation in certain types of investigative actions, the essence of which is aimed at obtaining full and truthful testimony from them in a criminal case. Taking into account the evidentiary nature of the information obtained from the production of investigative actions, the officials conducting the pre-trial criminal process must comply with the requirements of the law on ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of the persons involved. In comparison with the participants of adult age, due to age features, a minor suspect, defendant is more vulnerable and less able to defend his rights. In this regard, the criminal procedure law should contain norms that take into account the specifics of age and establish more differentiated rules. At the same time, the normative practice of such an approach is insufficient, creating gaps and contradictions in terms of ensuring the right to protection of minors. Based on the above, the aim of the research is to find a scientifically grounded approach to resolving the sources of improvement of procedural activity, revealed on the basis of theoretical and normative analysis, aimed at ensuring the rights and freedoms, the legitimate interests of juvenile suspects and defendants during preliminary criminal proceedings.

КОРЯКИНА Зинаида Ивановна – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: z_koryakina@mail.ru

KORYAKINA Zinaida Ivanovna – a Senior Lecturer of Criminal Law and Procedure Faculty, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Keywords: minor, suspect, defendant, investigative action, criminal proceedings, preliminary investigation, investigator, investigator, advocate, legal representative, counseling, right of defense.

Одним из существенных условий предварительного расследования являются следственные действия. В УПК РФ за исключением допроса и похожих на него других следственных действий (191, 425 УПК РФ), детально не оговорены особенности их проведения в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых).

Решения о назначении и проведении следственных действий принимает следователь (дознатель). Вместе с тем с инициативой об их проведении вправе выступить несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый, его защитник и (или) законный представитель.

Наиболее часто в публикациях процессуалистов рассматриваются следственные действия, нацеленные на получение от несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых полных и правдивых показаний, круг которых традиционно представлен допросом, предъявлением для опознания, очной ставкой и проверкой показаний на месте [1–3; 4, с. 335].

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, его процессуальная процедура регламентирована в отдельной статье уголовно-процессуального закона (ст. 425 УПК РФ). Гарантией соблюдения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетнего при его проведении, выступает необходимость соблюдения целого ряда правил и ограничений, в числе которых:

- максимальная продолжительность допроса (ч. 1 ст. 425 УПК РФ);
- порядок вызова несовершеннолетнего на допрос (ст. 424 УПК РФ);
- дополнительные участники допроса (психолог и педагог);
- участие законного представителя (п. 3 ч. 2 ст. 426 УПК РФ);
- обязательное участие защитника (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ).

Закон признает недопустимым применение в следственных действиях насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в нем лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). В этой связи участвующий в допросе защитник обязан, в частности, реагировать не только на процессуальные, но и на тактические нарушения, допускаемые следователем или дознавателем. Следует своевременно пресекать недопустимые по отношению к несовершеннолетнему приемы допроса (в т. ч. резкий и агрессивный тон в общении, разного рода придири к словам, угрозы привлечь родителей к ответственности, показное неуважение, унижение человеческого достоинства и т.п.) [6–5, с. 16; 7–6, с. 449-453]. Обеспечивая защиту несовершеннолетнего в ходе следственных действий, защитник не должен превращаться в «пассивного созерцателя» [5–7, с. 134-138].

С учетом обстоятельств уголовного дела, хода и ожидаемых результатов следственного действия защитник может использовать свое право задавать вопросы несовершеннолетнему подзащитному (ч. 2 ст. 53 УПК РФ). В случае их поступления он должен проследить, чтобы каждый заданный им вопрос (в т. ч. отклоненный следователем или дознавателем), и прозвучавшие ответы были занесены в протокол следственного действия в полном объеме.

В УПК РФ отсутствуют пояснения относительно того, при наличии каких обстоятельств и в каких именно случаях вопрос, заданный защитником несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому, может быть отклонен следователем и дознавателем. Их усмотрение при этом может подпадать под действие ч. 2 ст. 189 УПК РФ, запрещающей задавать наводящие вопросы. Между тем, дозволение представителям одной стороны отклонять вопросы другой без объяснения причин, никак не согласуется с принципами состязательности (ст. 15 УПК РФ) и охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Справедливым, на наш взгляд, будет являться положение, при котором в законе будет предусмотрена обязанность следователя и дознавателя указывать в протоколе причину, по которой вопрос, заданный защитником в ходе следственного действия, был отклонен.

Еще одним действенным средством, призванным обеспечивать реализацию права на защиту при производстве следственных действий, является предусмотренное ч. 2 ст. 53 УПК

РФ право защитника давать в присутствии следователя или дознавателя краткие консультации своему подзащитному. Само консультирование по праву считается одной из основных и наиболее часто используемых форм деятельности адвоката. Процессуалисты в своих трудах правильно отмечают, что «... консультация – это процесс взаимодействия адвоката и доверителя по поводу проблемы последнего с целью выявления возможных правовых вариантов ее решения и их последствий, уяснения путей и способов реализации выбранного варианта» [8, с. 37], а само консультирование – это «... оказание неравнодушной помощи подозреваемому или обвиняемому в виде советов, рекомендаций о выборе наиболее эффективной линии поведения, о том, чтобы воздерживаться от одних ответов, действий, утверждений, доказательств, ходатайств и придерживаться других» [9, с. 134-138].

Прибегая к консультированию, защитник и его несовершеннолетний подзащитный получают реальную возможность обсудить имеющие значение для осуществления защиты процессуальные обстоятельства и обусловленную ими оптимальную позицию своего поведения. Предметом консультации в таких случаях может являться только актуальная для данного следственного действия юридическая информация, которая должна быть озвучена защитником и разъяснена несовершеннолетнему за короткий промежуток времени. При этом важно понимать, что такая консультация, согласно ч. 2 ст. 53 УПК РФ, в любом случае должна происходить в присутствии следователя или дознавателя, и иных лиц, участвующих в следственном действии, но никак не в конфиденциальном порядке.

Между тем, открытое консультирование, по справедливому замечанию процессуалистов, создает объективные препятствия и ограничения в деле сохранения адвокатской тайны [10, с. 393]. В УПК РФ не содержится предписаний относительно того, вправе ли защитник или его подзащитный ходатайствовать о конфиденциальности консультирования или, например, о перерыве в следственном действии для реализации данного права. Считаем, что несовершеннолетний в силу своего возраста особенно часто нуждается как в самом юридическом информировании, так и в обеспечении необходимых условий для общения со своим защитником. В противном случае задачи обеспечения права на защиту могут не достичь желаемой цели. Проводя консультации, защитник координирует (направляет) процессуальное поведение несовершеннолетнего подзащитного, ориентирует его в нормах закона, с которыми согласуется позиция защиты, разъясняет права, порядок и иные организационные обстоятельства производства следственного действия и его роли в нем, прогнозирует развитие процессуальной обстановки и т.д. [11, с. 242].

Процесс консультирования адвокатом-защитником усложняется еще и тем, что реализация данного права не зависит от усмотрения подозреваемого или обвиняемого, поскольку по уголовно-процессуальному закону ему не принадлежит право инициировать проведение консультаций во время следственных действий. В этой связи право на получение консультаций у своего защитника разъяснению не подлежит, а предоставляемое право на свидание с защитником в конфиденциальных условиях ограничено периодом «до первого допроса».

Реализация того и другого права не предполагает получение заблаговременных консультаций в силу бессмысленности консультирования несовершеннолетнего по частным вопросам на этом этапе уголовного судопроизводства. Следовательно, понятия «свидание» и «консультация» не являются хоть сколько-нибудь тождественными. Если консультирование связано с передачей адвокатом юридической информации по делу практически в любых ситуациях, то свидание, имеющее сугубо разрешительный характер, предполагает встречу адвоката со своим подзащитным в условиях строгой изоляции для обсуждения вопросов, непосредственно связанных с оказанием юридической помощи [12, с. 32].

О возможности получения консультации в ходе следственного действия несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый может узнать при разъяснении следователем или дознавателем прав его участникам, в том числе и защитнику в порядке ч. 5 ст. 164 УПК РФ. Тем не менее с учетом правовой осведомленности защитника в силу его профессионального статуса такое разъяснение прав для него может не состояться. Поэтому в целях надлежащего обе-

спечения права на защиту считаем нужным предусмотреть в соответствующих статьях УПК РФ право подозреваемого и обвиняемого на получение консультаций от адвоката-защитника в период проведения следственного действия. Их общее количество не должно подвергаться каким-либо ограничениям, вместе с тем продолжительность может устанавливаться согласно правилам ч. 2 ст. 53 УПК РФ как кратковременная. Если для консультирования необходима конфиденциальная обстановка, то защитник и его несовершеннолетний подзащитный должны быть наделены правом заявить соответствующее ходатайство следователю или дознавателю. Разумеется, несовершеннолетний вместе со своим защитником могут дожидаться, например, предусмотренного законом (ч. 1 ст. 425 УПК РФ) перерыва в следственном действии. Но такая стратегия процессуального поведения не подходит для случаев, когда возникла необходимость в срочной консультации.

Консультирование для самого несовершеннолетнего должно быть представлено в уголовно-процессуальном законе как один из наиболее доступных и эффективных способов реализации права на защиту в ходе досудебного производства по уголовному делу. Ограничение его использования, в т. ч. на конфиденциальной основе, должно быть обосновано реальными фактами, в ином случае может означать нарушение данного права, оцениваться в качестве искусственно созданного препятствия для оказания и получения квалифицированной юридической помощи, а также может повлечь за собой отказ от дачи показаний.

Если после консультации со своим защитником несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый желает уточнить свои показания, то следователь или дознаватель обязан отразить озвученные им уточнения в протоколе следственного действия.

Процессуалисты, понимая неизбежность таких ситуаций, отмечают в своих работах, что в ходе проведения следственного действия сторона защиты вправе потребовать от следователя объявить перерыв для обращения с жалобой на его действия [13, с. 140]. Отмечается также, что довольно часто защитники «... заявляют ходатайства о предоставлении перерыва в следственном действии для выработки совместной с подзащитным позиции, а в случае отказа – покидают следственное действие, если считают это выгодным» [14, с. 97]. Свою точку зрения по этому поводу выразил Р.С. Лисицын. Он, в частности, считает, что «... в ходе предварительного расследования следователь имеет право заранее указать защитнику на то, что последний должен задавать вопросы допрашиваемым лицам только с его разрешения, а, кроме того, он может, не нарушая право обвиняемого (подозреваемого) на защиту, отказать защитнику в предоставлении свидания с подзащитным во время проведения следственного действия, если до его начала защитнику была предоставлена возможность встретиться с подзащитным» [15, с. 16]. Соглашаясь в целом с такими доводами, О. В. Вишневская настаивает на том, что консультация подзащитного со своим защитником не должна прерывать следственного действия [16, с. 67].

Часть 3 статьи 47 УПК РФ устанавливает для обвиняемого право защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите. Предусмотренное право в досудебном порядке, в отличие от судебного, не содержит реальных условий для его обеспечения. Так, согласно п.5 Постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2015 г. №29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» если суд признает, что времени для подготовки к защите было предоставлено недостаточно, а также в иных случаях по просьбе обвиняемого суд объявляет перерыв в судебном заседании либо откладывает его на определенный срок.

Согласно предписаниям уголовно-процессуального закона в производстве следственных действий, наряду с адвокатом-защитником вправе принимать участие законный представитель (п. 3 ч. 2 ст. 426 УПК РФ). В публикациях процессуалистов данное право оценивается весьма неоднозначно. Одним авторам роль законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого видится в том, что его присутствие помогает следователю установить контакт с несовершеннолетним с целью получения от него полных и правдивых показаний [17, с. 432]. Сразу оговоримся, что, на наш взгляд, данное мнение выглядит далеко

не бесспорным, в виду того, что законный представитель не является участником уголовного судопроизводства, который (помимо всего прочего), призван оказывать содействие должностному лицу, осуществляющему уголовное преследование. Другие авторы в своих работах пишут о том, что «... законодателю следовало бы предусмотреть возможность участия законных представителей в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с разрешения следователя (исходя из обстоятельств дела), как это сделано в отношении иных следственных действий, поскольку участие родителей в допросе может негативно повлиять на процесс получения показаний вообще, и, достоверных показаний в частности» [18, с. 76; 19, с. 45-51]. Процессуалистами также считается, что «присутствие родителей может отвлекать несовершеннолетнего от задаваемых вопросов, заставляет его следить за реакцией родителей и отвечать на вопросы в зависимости от нее» [18, с. 76].

В уголовно-процессуальном регулировании вопрос участия законного представителя в судебном уголовном судопроизводстве не решается в императивном контексте. Поскольку, как указано в ст. 48 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого к участию привлекаются в обязательном порядке, установленном ст. ст. 426 и 428 УПК РФ. Вместе с тем данное законодательное предписание нивелируется при применении ст. 426 УПК РФ, т.е. когда его участие в следственных действиях отнесено на усмотрение как следователя, так и самого законного представителя. Аналогичный порядок существует также и в судебном производстве, где неявка своевременно извещенного законного представителя несовершеннолетнего подсудимого не приостанавливает рассмотрение уголовного дела, если суд не найдет его участие необходимым (ч. 3 ст. 428 УПК РФ). При этом независимо от того, желает ли того сам несовершеннолетний.

Как показывает изучение следственной практики, пренебрежение мнением несовершеннолетнего относительно наличия или отсутствия необходимости обеспечить участие законного представителя в следственном действии может привести к отказу его от дачи показаний или даче заведомо ложных. Так, по одному из изученных нами уголовных дел мать несовершеннолетнего К., признанная в установленном законом порядке его законным представителем, не присутствовала при предъявлении обвинения, что повлекло за собой отказ обвиняемого от дачи показаний [20].

Для предотвращения таких случаев представляется нужным узнавать и учитывать мнение подвергнутого уголовному преследованию несовершеннолетнего об участии законного представителя в его допросе и иных следственных действиях. Но в любом случае «... законные представители могут воздержаться от участия в допросе и их отказ не должен влечь за собой блокирование производства следственных действий» [18, с. 75]. Процессуалисты правильно отмечают в своих трудах, что «... осуществление следственных действий при отказе законного представителя является вполне допустимым, если учесть, что они производятся с участием защитника и соблюдением всех иных требований закона» [22, с. 487]. Тем не менее в изученных уголовных делах мы обнаружили пример, когда защитником несовершеннолетнего обвиняемого было заявлено ходатайство о признании его показаний недопустимым доказательством по уголовному делу, в связи с тем, что его допрос был произведен без участия законного представителя. При этом отказ законного представителя от участия в этом допросе, заявлен не был. В удовлетворении ходатайства следователь отказал со ссылкой на ст. 425 УПК РФ, которой не предусмотрено обязательное участие законного представителя [21].

Для того чтобы использовать право участия в допросе либо отказаться от этого, законные представители должны быть заранее уведомлены о запланированных в отношении несовершеннолетних следственных и иных процессуальных действиях. В противном случае неучастие в нем законного представителя надлежит признавать нарушением права на защиту ввиду уклонения следователя или дознавателя от выполнения обязанности по обеспечению его участия от обязанности обеспечить его участие. Следователю (дознавателю) следует при любых обстоятельствах создать надлежащие процессуальные и организационные условия для реали-

защиты права участия в следственных действиях, чтобы при желании законный представитель мог им воспользоваться.

Таким образом, основываясь на аргументации, приведенной в данной статье, считаем нужным внести следующие предложения по изменению и дополнению норм действующего уголовно-процессуального законодательства.

1. Изложить ч. 2 ст. 53 УПК РФ в следующей редакции: «2. Защитник, участвующий в производстве следственного действия, в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному вправе давать ему в присутствии следователя, дознавателя краткие консультации, задавать с разрешения следователя, дознавателя вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия. Следователь или дознаватель может отвести вопросы защитника, но при этом обязан занести отведенные вопросы в протокол с указанием причины их отклонения».

2. Изложить ч. 1 ст. 425 УПК РФ в следующей редакции: «1. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день. Перерыв также может быть предоставлен следователем, дознавателем по инициативе (ходатайству) защитника или несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, о чем делается отметка в протоколе».

Литература

1. Букаев Н.М., Мальцев В.В. Расследование преступлений несовершеннолетних / Букаев Н.М. и др. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 130 с.
2. Адигамова Г.З. Особенности участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве России: Учеб. пособие / Г.З. Адигамова, О.Г. Кудрявцева. – Уфа: УЮИ МВД России, 2008. – 156 с.
3. Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – М.: Эксмо, 2009. – 208 с.
4. Солодовник В.В. О некоторых проблемах предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: материалы Междунар. науч.- практич. конф. (Москва, 13 февраля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Юнити-Дана, 2015. С.330-341.
5. Кузнецова С.В., Кобцова Т.С. Тактика допроса несовершеннолетних. – М.: Экзамен, 2004. – 96 с.
6. Костенко К.А. Недопустимые способы воздействия на несовершеннолетнего при производстве следственных действий / Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних. Материалы междунаучно-практ. конференции (Москва, 13 февраля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Юнити-Дана, 2015. – С. 449-453.
7. Яруллина Л.А. Адвокат: защитник или понятой? / Проблемы правовой защиты общечеловеческих ценностей в современной России. Материалы конференции / Под ред. Еникеева З.Д. – УФА: БашГУ, 2005. Часть 5. С. 134-138.
8. Воскобитова Л. А. Адвокат: навыки профессионального мастерства / Под редакцией Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. – М.: Изд-во «Волтерс Клувер», 2006. – 338 с.
9. Селина Е.В., Ястребов О.Я. Адвокатская деятельность в системе мер обеспечения права на защиту от уголовного преследования // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2012. – №5. – С. 27-32.
10. Манова Н.С. Адвокатская тайна при производстве по уголовному делу / Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета / Ответ. ред. С.Г. Емельянов. – Курск: Университетская книга, 2017. – С.393-396.
11. Устинов Д.С. Поведенческая характеристика обвиняемого и ее влияние на решения, принимаемые по уголовному делу: Дисс. канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 242 с.
12. Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на беспрепятственные встречи с доверителем: вопросы теории и практики // Евразийская адвокатура. – 2015. – №1 (14). – С. 31-40.
13. Фомин А.Н. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). – М.: Юрлитинформ, 2004. – 536 с.

14. Громов Н.А., Курушин С.А. Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ: Учебно-практическое пособие. – М.: Издательский дом И.И. Шумиловой, 2005. – 135 с.
15. Лисицин Р.Д. Что делать следователю, если защитник не явился на допрос // Российская юстиция. – 2000. – №4. – С. 16-21.
16. Вишневецкая О.В. О расширении полномочий защитника в стадии предварительного расследования // Федеральное законодательство об адвокатуре. Практика применения и проблемы совершенствования. Материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2004. – С. 67-72.
17. Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М.: Юриспруденция, 2006. – 586 с.
18. Тетюев С.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: Учеб. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 188 с.
19. Макаренко И.А. Проблемы участия третьих лиц в процессе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. – 2007. – №11. – С. 45-51.
20. Уголовное дело № 90132 // Архив Верховного Суда Республики Саха (Якутия).
21. Уголовное дело № 81928 // Архив Верховного Суда Республики Саха (Якутия).
22. Коротков А.П., Тимофеев А.В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ: комментарий. – М.: Экзамен, 2005. – 687 с.

References

1. Bukaev N.M., Mal'tsev V.V. Rassledovanie prestuplenij nesovershennoletnikh / Bukaev N. M. i dr. – Rostov-na-Donu: Feniks, 2006. – 130 s.
2. Adigamova G.Z. Osobennosti uchastiya nesovershennoletnikh v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: Ucheb. posobie / G.Z. Adigamova, O.G. Kudryavtseva. – Ufa: UYUI MVD Rossii, 2008. – 156 s.
3. Baev O.Ya. Proizvodstvo sledstvennykh dejstvij: kriminalisticheskij analiz UPK Rossii, praktika, rekomendatsii: prakticheskoe posobie / O.Ya. Baev, D. A. Solodov. – М.: ЕНksmo, 2009. – 208 s.
4. Solodovnik V.V. O nekotorykh problemakh predmeta dokazyvaniya po ugovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh // Protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym nesovershennoletnimi i v otnoshenii nesovershennoletnikh: materialy Mezhdunar. nauch.- praktich. konf. (Moskva, 13 fevralya 2015 g.) / pod red. A.I. Bastrykina. – М.: YUniti-Dana, 2015. S. 330-341.
5. Kuznetsova S.V., Kobtsova T.S. Taktika doprosa nesovershennoletnikh. – М.: ЕНkzamen, 2004. – 96 s.
6. Kostenko K.A. Nedopustimye sposoby vozdejstviya na nesovershennoletnego pri proizvodstve sledstvennykh dejstvij // Protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym nesovershennoletnimi i v otnoshenii nesovershennoletnikh. Materialy mezhd. nauchno-prakt. konferentsii (Moskva, 13 fevralya 2015 g.) / pod red. A.I. Bastrykina. – М.: Yuniti-Dana, 2015. S. 449-453.
7. Yarullina L.A. Advokat: zashhitnik ili ponyatoj? / Problemy pravovoj zashhity obshhechelovecheskikh tsennoy v sovremennoj Rossii. Materialy konferentsii / Pod red. Enikeeva Z.D. – UFA: BashGU, 2005. CHast' 5. S. 134-138.
8. Voskobitova L.A. Advokat: navyki professional'nogo masterstva / Pod redaktsiej L.A. Voskobitovoj, I.N. Luk'yanovoj, L.P. Mikhajlovoj. – М.: Izd-vo «Volters Kluver», 2006. – 338 s.
9. Selina E.V., Yastrebov O.Ya. Advokatskaya deyatel'nost' v sisteme mer obespecheniya prava na zashhitu ot ugovnogo presledovaniya // Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki. – 2012. – №5. – С. 27-32.
10. Manova N.S. Advokatskaya tajna pri proizvodstve po ugovnomu delu / Sbornik nauchnykh statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoj 25-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta / Otvet. red. S.G. Emel'yanov. – Kursk: Universitetskaya kniga, 2017. – S. 393-396.
11. Ustinov D.S. Povedencheskaya kharakteristika obvinyaemogo i ee vliyanie na resheniya, prinimaemye po ugovnomu delu: Diss. kand. yurid. nauk. – Saratov, 2015. – 242 s.
12. Ragulin A.V. Pravo advokata-zashhitnika na besprepyatstvennye vstrechi s doveritelem: voprosy teorii i praktiki // Evrazijskaya advokatura. – 2015. – №1 (14). – С. 31-40.
13. Fomin A.N. Storona zashhity v ugovnom protsesse (dosudebnoe proizvodstvo). – М.: YUrlitinform, 2004. – 536 s.
14. Громов Н.А., Курушин С.А. Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ: Учебно-практическое пособие. – М.: Издательский дом И.И. Шумиловой, 2005. – 135 с.
15. Lisitsin R. D. Chto delat' sledovatelyu, esli zashhitnik ne yavilsya na dopros // Rossijskaya yustitsiya. – 2000. – №4. – С. 16-21.

16. Vishnevskaya O.V. O rasshirenii polnomochij zashhitnika v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya / Federal'noe zakonodatel'stvo ob advokature. Praktika primeneniya i problemy sovershenstvovaniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Ekaterinburg, 2004. – S. 67-72.

17. Mel'nikov V.Yu. Obespechenie prav grazhdan v khode dosudebnogo proizvodstva. – M.: Yurisprudentsiya, 2006. – 586 s.

18. Tetyuev S.V. Proizvodstvo po ugovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh: Ucheb. posobie. – M.: Yurlitinform, 2007. – 188 s.

19. Makarenko I.A. Problemy uchastiya tret'ikh lits v protsesse rassledovaniya ugovnykh del v otnoshenii nesovershennoletnikh // Voprosy yuvenal'noj yustitsii. – 2007. – №11. – S. 45-51.

20. Uголовное дело №90132 // Архив Верховного Суда Республики Саха (Якутия).

21. Uголовное дело №81928 // Архив Верховного Суда Республики Саха (Якутия).

22. Korotkov A.P., Timofeev A.V. Prokurorsko-sledstvennaya praktika primeneniya UPK RF: kommentarij. – M.: EHKzamen, 2005. – 687 s.

Криминологические особенности личности преступника-коррупционера

Аннотация. Рассматривается личностная характеристика преступника-коррупционера, анализируются его социально-демографические признаки и нравственно-психологические свойства. Автором признается возможность неосознаваемых побудительных причин (мотивов) преступного поведения.

Ключевые слова: личность преступника, должностное лицо, коррупция, преступник-коррупционер, взяточничество, преступность.

L.N. Mikhailova

Criminological Features of the Criminal's Personality-Corruption

Abstract. The personal characteristic of the criminal-corrupt official is considered, his social and demographic characteristics and moral and psychological properties are analyzed. The author acknowledges the possibility of unconscious motive causes (motives) of criminal behavior.

Keywords: criminal personality, official, corruption, criminal-corrupt official, bribery, crime.

Введение

Пока существует преступность, проблема личности преступника будет сохранять свою актуальность. Постоянное, непрерывное изучение личности преступника необходимо для того, чтобы систематически выявлять и оценивать присущие ей черты характера (свойства), интересы, стремления и т. д. Такие и многие другие сведения о личности преступника – это своеобразная информационная база предупреждения преступности. Данные, полученные о личности и ее поведении, позволяют избрать такие методы и средства профилактики, которые наиболее адекватны особенностям именно этого типа личности. Знание личности преступника – важная и необходимая предпосылка научно обоснованной, успешной профилактики, прежде всего, индивидуального преступного поведения [1].

Личность преступника-коррупционера как предмет исследования

Говорить о личности преступника, в частности о личности субъекта коррупционного преступления, нельзя, не определив понятие личности. Известно, что личность является предметом изучения самых разных наук. Личность является не только предметом психологии, но и предметом философского, общественно-исторического познания; наконец, на определенном уровне анализа личность выступает со стороны природных, биологических особенностей как предмет антропологии и генетики человека.

Психологи, социологи и криминологи разных юридических школ дают примерно одинаковые определения понятию «личность» – это социальное лицо человека, т.е. то, кем он стал

МИХАЙЛОВА Лариса Николаевна – студент 2 курса магистратуры юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: MLarisa1994@mail.ru

MIKHAILOVA Larisa Nikolaevna – 2nd year Master student, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Научный руководитель:

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

PAVLOVA Arzulana Akramovna – Candidate of Juridical Sciences, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure, Faculty of Law, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

в процессе социального развития [2]. Из этого определения личности следует, что под личностью преступника надо понимать социальное лицо человека, совершившего противоправное, т.е. преступление.

При изучении личности преступника криминологи прежде всего ставят своей целью раскрытие закономерностей преступного поведения, детерминации преступности. Здесь и возникает важная для криминологии задача: исследовать факторы, которые на индивидуальном уровне формируют установки на противоправное поведение либо способствуют их реализации. Традиционно коррупцией считают негативное противоправное социальное явление, характеризующееся подкупом – продажностью государственных и иных служащих, принятием ими материальных или нематериальных благ или приобретением какого-либо имущества за деяния, которые могут быть выполнены с использованием официального статуса данных субъектов, связанных с этим статусом авторитета, возможностей, связей [3].

В России коррупция в силу своего характера и масштабов – это не просто отдельное, локальное явление в области политики и государственного управления, это система отношений, которая пронизывает все структуры нашего государства и общества. Одной из самых распространенных и опасных форм проявления коррупции является взяточничество. Его отличительной чертой является то, что оно совершается специальным субъектом – должностным лицом [4]. Понятие должностных лиц раскрывается в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Ими признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти, либо выполняющие организационно – распорядительные, административно – хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации [5].

Характеристика лиц, совершивших коррупционные преступления, включает два относительно самостоятельных и существенно различающихся криминологических портрета:

- 1) лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, незаконно получивших преимущества по государственной или муниципальной службе вопреки её интересам;
- 2) лиц, предоставивших такие преимущества последним.

Иначе говоря, первые – это взяточники, вторые – взятодатели. Критерием для подобной дифференциации служит уголовно – правовой признак наличия особого публичного статуса [6].

Личность коррупционера обычно изучается в двух аспектах: во – первых, как объект социальных связей и влияний и, во – вторых, как субъект, способный к активной, целенаправленной, преобразующей деятельности.

Психологические особенности личности коррупционера, в частности, следует понимать как относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы реагирования и адаптивные механизмы поведения, систему представлений человека о себе, межличностные отношения и характер социального взаимодействия.

При исследовании личности коррупционера необходимо обратить внимание на мотив преступления. Мотив – это внутреннее побуждение к поведению, то, ради чего это поведение осуществляется. В мотиве заключается субъективная сторона преступления. Можно сказать, что мотив наиболее ярко характеризует человека. Мотив – явление психологическое, но он может формироваться только при условии вступления человека в отношения с окружающими, включенности личности в общественные отношения. Изучение мотивов преступного поведения всегда должно осуществляться в тесной связи с личностью преступника, их понимание всегда должно вытекать из понимания самой личности, ее сущности [7]. Также было бы ошибочно думать, что коррупционеры совершают преступления исключительно из корыстных побуждений. Достаточно большую их часть составляют люди, совершающие подобные действия по мотивам карьеризма или властолюбия. Этим людям постоянно необходимо завоевывать авторитет среди окружающих, быть всё время на виду. Корысть, понимаемая в смысле личного обогащения, если она здесь есть, выступает в качестве лишь дополнительного мотива.

Кроме того, следует обратить внимание на так называемые псевдосоциальные мотивы, в основе которых лежит предпочтение норм, интересов и ценностей отдельных социальных групп, противоречащих охраняемым законом нормам, интересам и ценностям общества в целом. К типичным мотивам такого рода относятся в том числе ведомственно-корпоративные, весьма характерные для коррупционеров. Например, довольно часто коррупционеры утверждают, что совершают преступные действия для решения практических вопросов, которые без нарушения предписаний норм закона разрешить невозможно. При этом в каждом конкретном случае виновный знает, что конфликт интересов коррупционера (группы коррупционеров) и общества имеется и своими поступками он нарушает уголовно-правовые запреты, поэтому мотив в этом случае надо искать в том, в чем именно заключен для преступника смысл противоправных действий, что психологически он выигрывает, совершая их. Именно поэтому мотивом для коррупционера является не ложно понятый интерес группы, общества, а определенная польза для себя. Следовательно, для коррупционера нет ложно понятых групповых или ведомственных интересов, выступающих в качестве псевдосоциальных мотивов. Другими словами, преступник не ошибается в правовой и нравственной оценке указанных выше интересов, однако у него есть потребность утверждения, улучшения своего социального статуса, подтверждения своего социального бытия, наконец, страх быть низвергнутым или уничтоженным сложившейся в обществе системой. Последнее обстоятельство может в какой-то степени объяснить, почему определенная часть государственных служащих, попадая под влияние окружающих их сослуживцев, постепенно втягивается в орбиту преступных взаимоотношений, хотя по своим личностным характеристикам эти лица изначально не собирались становиться преступниками. Таким образом, мотивировка – рациональное объяснение причин действия посредством указания на социально приемлемые для данного преступника и его окружения обстоятельства, побудившие к выбору данного действия. Мотивировка выступает как одна из форм осознания мотивов, с ее помощью коррупционер иногда оправдывает свое поведение или маскирует его в целях психологической защиты, внутреннего оправдания нарушения установленных правовых предписаний.

Таким образом, выявление и изучение мотивов преступной поведения важны не только для расследования преступлений предупредительной работы с коррупционерами, успешного питательного воздействия на отдельных преступников, правильной квалификации преступлений, но и для решения общих задач профилактики преступности.

Литература

1. Аванесов Г.А. Криминология. Учебник. – М.: Юнити-Дана, 2012.
2. Долгова А.И. Преступник и его криминологическое изучение. Опубликовано на сайте информационного ресурса: «Конспект.ру». – URL: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=39530> (дата обращения 22.03.2018).
3. Абрамовская О.Р., Майоров А.В. Криминологические особенности личности коррупционного преступника // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 37 (291). – С. 54-59.
4. Антипов А.Г., Антипов К.А. Коррупция в современном Российском обществе: состояние и борьба с ней: Опубликовано на сайте информационного ресурса: «Вестник Пермского университета юридической науки». Выпуск 1 (19) 2013 г.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996.
6. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология: учебник – 5-е издание – М., 2013.
7. Корнакова С.В., Гайков Д.Г. Установление мотивов совершения преступлений: криминалистические возможности и уголовно-процессуальная целесообразность // Юридическая наука и правоохранительная практика 4 (30) 2014 г. – URL: https://cyberleninka.ru/viewer_images/15676526/f/2.png (дата обращения 22.03.2018).

References

1. Avanesov G.A. Kriminologiya. Uchebnik. – М.: Yuniti-Dana, 2012.
2. Dolgova A.I. Prestupnik i ego kriminologicheskoe izuchenie. Opublikovano na sajte informacionnogo resursa: «Konspekt.ru». – URL: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=39530> (data obrashcheniya 22.03.2018).
3. Abramovskaya O.R., Majorov A.V. Kriminologicheskie osobennosti lichnosti korrupcionnogo prestupnika // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 37 (291). – S. 54-59.
4. Antip'ev A.G., Antip'ev K.A. Korrupciya v sovremennom Rossijskom obshchestve: sostoyanie i bor'ba s nej: Opublikovano na sajte informacionnogo resursa: «Vestnik Permskogo universiteta yuridicheskoy nauki». Vypusk 1 (19) 2013 g.
5. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996.
6. Kudryavcev V.N., EHminov V.E. Kriminologiya: uchebnik – 5-e izdanie – М., 2013.
7. Kornakova S.V., Gajkov D.G. Ustanovlenie motivov soversheniya prestuplenij: kriminalisticheskie vozmozhnosti i ugovolno-processual'naya celesoobraznost' // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika 4 (30) 2014 g. – URL: https://cyberleninka.ru/viewer_images/15676526/f/2.png (data obrashcheniya 22.03.2018).

К вопросу о понятии досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе Российской Федерации

Аннотация. Данная статья посвящена досудебному соглашению о сотрудничестве в уголовном процессе Российской Федерации. В ней досудебное соглашение о сотрудничестве рассматривается в качестве процессуально-правового института, согласительной процедуры и процессуального акта (документа). Необходимость в подобном изучении указанных проблемных вопросов диктуется потребностями практики правоприменения.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, процессуально-правовой институт, норма закона, уголовно-процессуальный закон, уголовный процесс, согласительная процедура, процессуальный акт.

N.A. Sivtseva

To the Question of the Concept of the Permanent Agreement on Cooperation in the Criminal Process of the Russian Federation

Abstract. This article is devoted to a pre-trial agreement on cooperation in the criminal process of the Russian Federation. In it, a pre-trial cooperation agreement is considered as a procedural and legal institution, a conciliation procedure and a procedural act (document). The need for such a study of these issues is dictated by the needs of law enforcement practice.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, procedural and legal institution, rule of law, criminal procedure law, criminal procedure, conciliation, procedural act.

Введение. В X разделе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) изложен особый порядок судебного разбирательства, заключающий в себя как особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, так и особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [1]. Так, с 2009 г. главой 40.1 УПК РФ регулируются нормы особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [1; 2]. Нормативное закрепление досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальном законе РФ вызвано потребностью повышения эффективности при раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, выявлении латентных преступлений, необходимостью борьбы с коррупцией, организованной преступностью.

СИВЦЕВА Наталья Александровна – студент 2 курса магистратуры юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

SIVTSEVA Natalia Aleksandrovna – 2nd year Master student, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Научный руководитель:

ЯКОВЛЕВ Макар Макарович – доктор права, Заслуженный юрист России, Почетный работник прокуратуры России, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: mayak47@mail.ru

IAKOVLEV Makar Makarovich – Doctor of Juridical Science, Honourable Lawyer of Russia, Honorable worker of the Russian Prosecutor's Office, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

В УПК РФ представлено следующее определение понятия досудебного соглашения о сотрудничестве: «соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения» [1]. Несмотря на изложенное определение понятия досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальном законе РФ, практика правоприменения указала на наличие проблемных моментов в его понимании и толковании, что способствовало появлению авторских представлений его дефиниции в научных исследованиях. Так, предлагая свои научные толкования и практические рекомендации, многие ученые представляют свои авторские определения понятия досудебного соглашения о сотрудничестве. Во многих исследованиях, посвященных актуальным вопросам досудебного соглашения о сотрудничестве, указана необходимость корректировки его нормативного закрепления. Многими авторами научных изысканий указана необходимость пересмотра и переформулирования его определения, что положительно отразилось бы на правоприменении его норм. Все изложенное обосновывает актуальность темы данной статьи, в которой целесообразным является рассмотрение понятия досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе РФ как процессуально-правового института, согласительной процедуры и процессуального акта (документа).

Досудебное соглашение о сотрудничестве как процессуально-правовой институт. Научные дискуссии о досудебном соглашении о сотрудничестве в качестве процессуально-правового института в основном сводятся к определению его правовой сущности.

Интересным является рассмотрение досудебного соглашения о сотрудничестве в аспекте теории об единстве и дифференциации уголовно-процессуальных форм. Единая уголовно-процессуальная форма характеризуется отсутствием исключительных производств. Дифференциация уголовно-процессуальной формы предполагает возможность решения единой задачи различными способами на основе единых принципов и единого уголовно-процессуального законодательства. Направление дифференциации уголовно-процессуальной формы имеет два типа: упрощенный (например, дознание и дознание в сокращенной форме) и усложненный (например, предварительное следствие с дополнительными гарантиями для отдельных категорий лиц, либо по отдельным категориям дел) [3, 4]. По мнению исследователей, процедура, связанная с досудебным соглашением о сотрудничестве, представляет собой сокращенную уголовно-процессуальную форму, которая отличается от традиционной формы, составляет часть единого целого, а именно уголовного процесса РФ, связана с другими процедурами системой общих принципов и назначением процесса [5]. Согласно теории об единстве и дифференциации уголовно-процессуальных форм, при помощи понятия форма легализуется любой новый процессуально-правовой институт, нормы которого закреплены в уголовно-процессуальном законе. Так, введением норм досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальном законе РФ предопределено появление процессуально-правового института, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ. Исследователями отмечено и то, что теория об единстве и дифференциации уголовно-процессуальных форм не способна полностью и верно раскрыть сущность досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуально-правового института, поскольку для понимания такого качественно нового явления требуется новый концептуальный аппарат [5].

Сущность рассматриваемого процессуально-правового института рассматривается и с подхода договорной концепции «сделка о признании вины и сотрудничестве». Понятие соглашения в уголовном процессе РФ заимствовано из гражданского права, но в уголовно-процессуальном контексте понимается по-другому. В гражданском праве под соглашением понимаются договорные отношения двух и более сторон, обладающих равной свободой в выборе предмета договора, в определении своих обязательств. По мнению исследователей, соглашение в уголовном процессе – это сделка равноправных субъектов, находящихся в неравных обстоятельствах, «она выгодна обоим контрагентам, хотя обвиняемый выполняет обязательства, порожденные совершенным им преступлением» [5]. Существует и другая точка зрения,

согласно которой в уголовном процессе при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве стороны не наделены равными правами, поскольку решение о заключении такого соглашения уголовно-процессуальными нормами закреплено за прокурором, а действия сторон по определению предмета соглашения ограничены законом [6]. Договорная природа досудебного соглашения о сотрудничестве проявляется в том, что стороны заключают соглашение на определенных условиях с целью порождения правовых последствий, выгодных им обеим. Новая уголовная политика в РФ предусматривает стратегию гибкого противодействия преступности, в основу которого лежит идея компромисса, определяющая сущность досудебного соглашения о сотрудничестве [5]. Сближение и проникновение частного начала в область уголовно-процессуальных отношений, дополнение императивно-правового метода их регулирования диспозитивным, а именно договорным, способствует появлению таких согласительных процедур, как досудебное соглашение о сотрудничестве [7].

Помимо указанных доктринальных подходов к пониманию сущности понятия досудебного соглашения о сотрудничестве как уголовно-процессуального института, необходимо обратиться к системе других смежных институтов.

Исследователи, связывая институт досудебного соглашения о сотрудничестве с институтом деятельного раскаяния, проводят между ними прямую аналогию [8]. Другие ученые, отмечая близость рассматриваемых правовых институтов, не соглашаются с утверждением о том, что нормы, закрепленные в главе 40.1 УПК РФ, представляют собой «квалифицированный» случай деятельного раскаяния [9, 10]. Предметом досудебного соглашения о сотрудничестве могут выступить обстоятельства, подпадающие под состав деятельного раскаяния, представленные нормами ст. 75 УК РФ. Одно деятельного раскаяния недостаточно для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Для применения норм, закрепленных в главе 40.1 УПК РФ, обвиняемому, кроме деятельного раскаяния, необходимо оказать содействие в раскрытии иных преступлений. Деятельное раскаяние подразумевает содействие обвиняемого в раскрытии и расследовании преступления, совершенного им самим. Досудебное соглашение о сотрудничестве предполагает содействие обвиняемого при раскрытии и расследовании тяжкого и особо тяжкого преступления, совершенного не только им самим, но и другими лицами [9].

В научной литературе выражено мнение о том, что процессуальная сущность института досудебного соглашения о сотрудничестве РФ более близка к американскому понятию института сделки о признании вины, являющегося устоявшимся способом разрешения уголовно-правового спора. В США нормы института сделки о признании вины основаны на договорных отношениях. Так, между обвинением и защитой заключается особое соглашение, согласно которому обвиняемый обязуется признать свою вину в совершении преступления, а обвинитель за это дает гарантию уменьшить его ответственность за совершенное преступное деяние. Заключение подобного соглашения упрощает процесс рассмотрения дела судом, поскольку избавляет прокурора от необходимости доказывания обвинения, а суд – от проведения судебного следствия [11, 12]. Согласно нормам досудебного соглашения о сотрудничестве, закрепленным в УПК РФ, признание обвиняемым своей вины не является обязательным условием при ее заключении. В уголовно-процессуальном законе РФ об этом не упоминается, что породило расхождение мнений в научной литературе по данному вопросу. Одни авторы указывают на то, что данное обстоятельство является законодательным упущением: обвиняемый может действительно сотрудничать со следствием только при искреннем раскаянии, основанном на признании им своей вины [13]. Другая точка зрения сводится к тому, что при признании обвиняемым своей вины в обмен на обещание назначения ему более мягкого наказания повлечет отрицательные последствия, поскольку отпадет необходимость проведения объективного и всестороннего следствия по уголовному делу [14, 15]. Третья позиция ученых по данному вопросу заключается в том, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым доказательств для предъявления обвинения недостаточно, поэтому является преждевременным говорить о признании вины [Там же]. Согласно следующему мне-

нию исследователей, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо как согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, так и признание им своей вины в силу того, что это связано с условиями такого соглашения [10]. Считается, что согласие обвиняемого с предъявленным обвинением предполагает им и признания своей вины, поскольку конструкция норм, закрепленных в главе 40.1 УПК РФ, не предусматривает возможности содействия лица, не считающего себя виновным [14].

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве непосредственно связан с институтом назначения наказания. Назначение наказания представляет результат всей деятельности правоохранительных и судебных органов. Правила назначения наказания при применении досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренные ч.ч. 2 и 6 ст. 62 УК РФ являются правилами, введенными в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) на основании уголовно-процессуальных предпосылок. В соответствии с ч. 2 ст. 62 УК РФ, смягчение наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обусловлено наличием следующих условий: наличие смягчающих обстоятельств, изложенных в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, отсутствие отягчающих наказание обстоятельств. Смягчающими наказание обстоятельствами, предусмотренными п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, являются явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления [16]. Указанные смягчающие обстоятельства, кроме явки с повинной, могут служить условием и основанием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако наличие либо отсутствие отдельных смягчающих обстоятельств, на которые ссылается ч. 2 ст. 62 УК РФ не влияет на разрешение вопроса заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку суды должны исходить из факта исполнения или не исполнения его условий [16, 17]. Отсутствие отягчающих наказание обстоятельств в качестве условия смягчения наказания при заключении соглашения, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ, и вовсе оценивается как «нарушение логики и первоначальных целей введения досудебного соглашения о сотрудничестве» [18, 19]. По мнению ученых, отягчающие обстоятельства, хотя и не препятствуют заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, тем не менее, делают его исполнение менее выгодным для подозреваемого и обвиняемого [20]. В этой связи в научной литературе предлагается исключить из ч. 2 ст. 62 УК РФ указания на необходимость наличия смягчающих обстоятельств, изложенных в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, на необходимость отсутствия отягчающих наказание обстоятельств [17, 18, 19]. Поэтому целесообразным является изменить систему поощрения для лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, в целях побудить лица, совершивших преступление в соучастии, в сотрудничестве со следствием.

Досудебное соглашение о сотрудничестве как согласительная процедура. Согласительная процедура в уголовном процессе РФ – это предусмотренная уголовно-процессуальным законом процедура, представляющая собой форму достижения компромисса между участниками производства по уголовному делу, основанная на соглашении сторон об определении и выполнении условий в целях ее достижения [21]. При этом процедура называется согласительной независимо от того, привело ли ее осуществление к благоприятному для ее участников результату. Уголовно-процессуальным законом РФ предусмотрены два вида согласительной процедуры: примирение сторон (ст. 25 УПК РФ) и досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ). Эти два вида согласительных процедур, определенных УПК РФ, характеризуются наличием соглашения, отличаются способом осуществления и процессуальным положением участников. Однако правоприменение норм согласительных процедур на практике выявило ряд проблем, связанных с разнонаправленным свойством их основ, характеризующихся противоречивыми положениями, либо отсутствием их урегулирования в уголовно-процессуальном законе.

Основа согласительной процедуры состоит из следующих составляющих:

- участники уголовного судопроизводства, которые лично заинтересованы в результатах производства по уголовному делу и наделены правом заключения соглашения в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом;

- обязанность дознавателем, следователем, судом разъяснить участникам уголовного судопроизводства право на заключение соглашения, обеспечение ими возможности его соглашения;

- только письменная форма заключения соглашения, гарантирующая законные интересы его участников;

- нормативное регулирование рассматриваемой процедуры, осуществляемая лишь в аспекте УПК РФ [Там же].

Согласно нормам главы 40.1. УПК РФ, участниками заключения досудебного соглашения о сотрудничестве являются подозреваемый или обвиняемый, его защитник, представитель, следователь, прокурор. Возможность заключения соглашения, предусмотренного нормами главы 40.1 УПК РФ, предполагает наличие оснований и повода для этого. Различают фактическое и юридическое основания заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Фактическим основанием является наличие достаточных данных, указывающих на возможность подозреваемого или обвиняемого активно содействовать следствию в раскрытии и расследованию преступления при установлении всех обстоятельств по уголовному делу, выявлении и привлечении к ответственности всех соучастников преступления, розыску похищенного имущества [22]. Юридическим основанием служит положительное решение правоохранительных органов, наделенных нормами главы 40.1 УПК РФ правом рассмотреть и разрешить ходатайство подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Поводом для применения норм главы 40.1 УПК РФ является представление письменного ходатайства подозреваемым или обвиняемым на имя прокурора, удовлетворенное следователем в соответствии нормам уголовно-процессуального закона [Там же].

Подозреваемый или обвиняемый подает через следователя ходатайство прокурору о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, тем самым выступает инициатором переговоров о данной процедуре. Здесь в научной литературе дискуссионным является вопрос возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с лицом, не обладающим процессуальным статусом подозреваемого (или обвиняемого). Как пишут ученые, уголовно-процессуальный закон не должен связывать возможность осуществления данной процедуры с процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, и с моментом возбуждения уголовного дела, поскольку необходимо учесть то обстоятельство, что уголовное преследование возможно до установления лица, с момента обнаружения признаков преступления [23].

В этой связи в научной литературе изложено мнение, согласно которому необходимо ввести новый субъект уголовно-правовых правоотношений в аспекте института соглашения о сотрудничестве, а именно: контрактант – лицо, с которым после его обращения в прокуратуру заключено соглашение о сотрудничестве [Там же]. Необходимость контрактанта как участника рассматриваемой согласительной процедуры обосновывается его целесообразностью в раскрытии латентных организованных тяжких и особо тяжких преступлений.

Обязательным в ходатайстве подозреваемого или обвиняемого о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве являются указание следующего момента: какие действия обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества добытого в результате преступления [1]. При этом следователь должен разъяснить подозреваемому или обвиняемому его право на заключение подобного соглашения и порядок его осуществления. Таким образом, подозреваемый или обвиняемый, его защитник, и следователь являются надлежащими субъектами заключения данной процедуры. В научной литературе они определены как заинтересованные субъекты [24].

Действия следователя после получения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве могут быть следующими: он вправе отказать в удовлетворении ходатайства о досудебном соглашении о сотрудничестве, либо должен направить данное ходатайство прокурору вместе с согласованным с руководителем следственного органа мотивированным постановлением о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым

мым (или обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве [Там же]. Отказ следователя в удовлетворении ходатайства о досудебном соглашении о сотрудничестве может быть обжалован руководителю следственного органа.

В соответствии со ст. 317.1 УК РФ прокурор не выступает надлежащим субъектом рассмотрения жалобы на необоснованный отказ в заключении соглашения со стороны следователя или руководителя следственного органа. По мнению ученых, то обстоятельство, когда прокурор может и не знать, что на его имя было направлено ходатайство, является неправильным [25]. Здесь противоречивым является то, что при этом, согласно ч. 1 ст. 317.3 УПК РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым заключает именно прокурор. В этой связи прокурор определен как субъект, выполняющий надзорную функцию, что представлено не только в составлении процессуального документа досудебного соглашения о сотрудничестве, но и в оценке законности, обоснованности и целесообразности данной сделки.

Таким образом, процесс согласительной процедуры как заключение досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой два этапа. Первый этап выражен в рассмотрении и разрешении следователем ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Второй этап заключается в разрешении прокурором данного ходатайства подозреваемого или обвиняемого [22]. Каждому этапу соответствует свои процессуальные документы. Первый этап характеризуется ходатайством подозреваемого или обвиняемого о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, постановлением следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении соглашения, предусмотренного нормами главы 40.1 УПК РФ. Второй этап подразумевает составление таких документов, как постановление прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, досудебного соглашения о сотрудничестве – оформление процессуального акта (документа) между прокурором и подозреваемым или обвиняемым, при утверждении обвинительного заключения – представление прокурора о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве [1].

Досудебное соглашение о сотрудничестве как процессуальный акт (документ). Нормы, предусмотренные главой 40.1 УПК РФ, определяют самостоятельный процессуальный акт (документ) – соглашение, заключаемое между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о согласовании его действий в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления [26].

Досудебное соглашение о сотрудничестве как документ согласительной процедуры составляется прокурором. В соответствии со ст. 317.3 УПК РФ, в досудебном соглашении о сотрудничестве должны быть указаны:

- дата и место его составления;
- должностное лицо органа прокуратуры, заключающее соглашение со стороны обвинения;
- фамилия, имя и отчество подозреваемого или обвиняемого, заключающего соглашение со стороны защиты, дата и место его рождения;
- описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию;
- пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление;
- действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве;
- смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве [1].

Согласно ч. 3 ст. 317.3 УПК РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве обязательно подписывается прокурором, подозреваемым или обвиняемым, его защитником.

В уголовно-процессуальном законе РФ не указано требование к содержанию обвинительного заключения по уголовному делу, по которому составлен акт (документ) досудебного соглашения о сотрудничестве. По мнению исследователей, оно должно соответствовать требованиям ст. 220 УПК РФ: в нем должны быть изложены описание и формулировка обвинения, а также ссылки на собранные доказательства [27]. Процессуальный акт (документ) досудебного соглашения о сотрудничестве должен быть представлен в материалах уголовного дела вместе с другими процессуальными документами, как ходатайство ходатайством подозреваемого или обвиняемого о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении соглашения, предусмотренного нормами главы 40.1 УПК РФ [28].

Каждый процессуальный акт (документ) заключения досудебного соглашения о сотрудничестве заключает в себе свое «уникальное сочетание обстоятельств и перечень выполняемых действий, обусловленное фактическими обстоятельствами совершенного преступления» [26].

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве свидетельствует о возникновении обязательств между прокурором и подозреваемым или обвиняемым. При этом прокурор вправе лишь просить суд применить к заключившему подобное соглашение предусмотренные законом «поощрения» при назначении ему наказания. Суд, не являясь участником досудебного соглашения о сотрудничестве и будучи не связанным с мнением прокурора о размере и виде наказания, назначает наказание согласно нормам закона и по своему убеждению, исходя из требований справедливости и соразмерности.

Заключение. Несмотря на наличие в УПК РФ определения понятия досудебного соглашения о сотрудничестве, проблемные моменты, выявленные в ходе правоприменения его норм, обусловили его понимание в более широком аспекте, чем представлено в уголовно-процессуальном законе. Расширение определения рассматриваемого правового явления обусловлено его сложной природой. Выявлена сложная дуалистическая природа досудебного соглашения о сотрудничестве, изложенная в нормах уголовного процесса РФ, с одной стороны, проявляющейся в свободе изъясления сторон при его заключении, во взаимном характере обязательств его участников, с другой стороны, являющейся процессуальным способом «рационализации уголовного преследования с ограниченным усмотрением прокурора и отсутствием у него свободы распоряжения уголовным иском» [6]. Дискуссии о проблемных моментах досудебного соглашения о сотрудничестве приводят к тому, что оно определяется и как процессуально-правовой институт, согласительная процедура и процессуальный акт (документ).

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 26. – Ст. 3139.
3. Алексеев И.М. К вопросу о единстве уголовно-процессуальной формы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 4. – С. 28-30.
4. Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – М., 2001. – 32 с.
5. Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Нижний Новгород, 2013. – 33 с.
6. Топчиева Т.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Санкт-Петербург, 2013. – 22 с.
7. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... доктора юридических наук: 12.00.09. – М., 2012. – 55 с.

8. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в гл. 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. – 2009. – № 8. – С. 3-11.
9. Абшилава Г.В. Деятельное раскаяние как составная часть досудебного сотрудничества обвиняемого с органом следствия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 27. – С. 30-35.
10. Смолькова И.В. Требуется ли признание вины обвиняемым при заключении им досудебного соглашения о сотрудничестве? // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – № 2 (8). – С. 88-96.
11. Лазарева В.А., Тарасов А.А. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистратуры. – М.: Юрайт, 2016. – 3-е изд. – 465 с.
12. Александров А.С. Подход к преодолению противоречий в законе, регламентирующем заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 54-57.
13. Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Владимир, 2011. – 26 с.
14. Кондратова В.А. Признание обвиняемым своей вины как условие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: дискуссионные вопросы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 3-2. – С. 121-126.
15. Кучерена А. Ловушка для мафии или сделка с совестью // Российская газета. – 2009. – № 705 (9 июня).
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
17. Тебеньков А.В. Назначение наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 4. – С. 213-216.
18. Великий Д.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. – 2010. – № 2. – С. 86.
19. Ключников С.С. Правовая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 23-24.
20. Боярская А.В., Леонов А.И. Материально-правовые основы производства, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ // Уголовное право. – 2016. – № 1. – С. 122-129.
21. Саркисян Т.Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Краснодар, 2012. – 25 с.
22. Костенко Н.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Челябинск, 2013. – 27 с.
23. Эдилова П.В. Соглашение о сотрудничестве с обвинителем в уголовном процессе: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Москва, 2017. – 27 с.
24. Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Челябинск, 2013. – 25 с.
25. Лазарева В.А., Тарасов А.А. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистратуры. – М.: изд-во Юрайт, 2016. – 3-е изд. – 465 с.
26. Головизнин М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. – Москва, 2012. – 24 с.
27. Касаткина С.А. Признание обвиняемого. – М.: Проспект, 2010. – 224 с.
28. Дудина Н.А. Особенности досудебного производства по уголовным делам, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовная юстиция. – 2014. – № 1. – С. 14-19.

References

1. Uголовно-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 07.06.2017) // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

2. Federal'nyj zakon ot 29.06.2009 № 141-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2009. – № 26. – St. 3139.
3. Alekseev I.M. K voprosu o edinstve ugolovno-processual'noj formy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 4. – S. 28-30.
4. Velikij D.P. Edinstvo i differenciaciya ugolovno-processual'noj formy: istoriya, sovremennost', perspektivy: avtoref. dis. ... kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.09. – M., 2001. – 32 s.
5. Kolesnik V.V. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve storon v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii: doktrina, zakonodatelnaya tekhnika, tolkovanie i praktika: avtoref. dis. ... kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.09. – Nizhnij Novgorod, 2013. – 33 s.
6. Topchieva T.V. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve v rossijskom ugolovnom processe: avtoref. dis. ... kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.09. – Sankt-Peterburg, 2013. – 22 s.
7. Abshilava G.V. Soglasitel'nye procedury v ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... doktora juridicheskikh nauk: 12.00.09. – M., 2012. – 55 s.
8. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Soglasenie o dosudebnom sotrudnichestve so sledstviem: pravovaya sushchnost' i voprosy tolkovaniya norm, vkhodyashchih v gl. 40.1 UPK RF // Ugolovnyj process. – 2009. – № 8. – S. 3-11.
9. Abshilava G.V. Deyatel'noe raskazanie kak sostavnaya chast' dosudebnogo sotrudnichestva obvinyaemogo s organom sledstviya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2011. – № 27. – S. 30-35.
10. Smol'kova I.V. Trebuetsya li priznanie viny obvinyaemym pri zaklyuchenii im dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve? // Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. – 2015. – № 2 (8). – S. 88-96.
11. Lazareva V.A., Tarasov A.A. Ugolovno-processual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: uchebnik dlya magistratury. – M.: Yurajt, 2016. – 3-e izd. – 465 s.
12. Aleksandrov A. S. Podhod k preodoleniyu protivorechij v zakone, reglamentiruyushchem zaklyuchenie i realizaciyu dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve po ugolovnomu delu // Ugolovnoe pravo. – 2011. – № 1. – S. 54-57.
13. Golovinskij M.M. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: normativno-pravovoe regulirovanie i praktika primeneniya: avtoref. dis. ... kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.09. – Vladimir, 2011. – 26 s.
14. Kondratova V.A. Priznanie obvinyaemym svoej viny kak uslovie zaklyucheniya dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve: diskussionnye voprosy // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. EHkonomicheskie i juridicheskie nauki. – 2013. – № 3-2. – S. 121-126.
15. Kucherena A. Lovushka dlya mafii ili sdelka s sovest'yu // Rossijskaya gazeta. – 2009. – № 705 (9 iyunya).
16. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.07.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 25. – St. 2954.
17. Teben'kov A.V. Naznachenie nakazaniya pri zaklyuchenii dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2016. – № 4. – S. 213-216.
18. Velikij D.P. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve v rossijskom ugolovnom processe // ZHurnal rossijskogo prava. – 2010. – № 2. – S. 86.
19. Klyushnikov S.S. Pravovaya priroda instituta dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve // Rossijskij sledovatel'. – 2012. – № 23. – S. 23-24.
20. Boyarskaya A.V., Leonov A.I. Material'no-pravovye osnovy proizvodstva, predusmotrennogo gl. 40.1 UPK RF // Ugolovnoe pravo. – 2016. – № 1. – S. 122-129.
21. Sarkisyan T.B. Soglasitel'nye procedury v ugolovnom sudoproizvodstve i ih primenenie v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: avtoref. dis. ... kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.09. – Krasnodar, 2012. – 25 s.
22. Kostenko N.S. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve v ugolovnom processe: pravovye i organizacionnye voprosy zaklyucheniya i realizacii: avtoref. dis. ... kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.09. – CHelyabinsk, 2013. – 27 s.
23. EHdilova P.V. Soglasenie o sotrudnichestve s obvinitelem v ugolovnom processe: avtoref. dis. ... kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.09. – Moskva, 2017. – 27 s.
24. Kubrikova M.E. Aktual'nye voprosy instituta dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve: avtoref. dis. ... kandidata juridicheskikh nauk: 12.00.09. – CHelyabinsk, 2013. – 25 s.

25. Lazareva V.A., Tarasov A.A. Ugolovno-processual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: uchebnik dlya magistratury. – M.: izd-vo YUrajt, 2016. – 3-e izd. – 465 s.
26. Goloviznin M.V. Osobyj poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve: avtoref. dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.09. – Moskva, 2012. – 24 s.
27. Kasatkina S.A. Priznanie obvinyaemogo. – M.: Prospekt, 2010. – 224 s.
28. Dudina N.A. Osobennosti dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam, po kotorym zaklyucheno dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve // Ugolovnaya yusticiya. – 2014. – № 1. – S. 14-19.

**ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА
СЕРИЯ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО»
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW» SERIES**

**Электронное научное периодическое издание
№ 1 (09) 2018**

Технический редактор *Н. Ю. Печетова*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 23.03.2018. Формат 70x108/16.
Дата выхода в свет 31.03.2018.